

СУМРАЧНЫЕ ИСКУССТВА

АНАСТАСИЯ ВОСКРЕСЕНСКАЯ
ЯРОСЛАВА КУЗНЕЦОВА

МАГИСТЕРИЙ
ТАЙНАЯ
ИГРА

Анастасия Юрьевна Воскресенская
Ярослава Кузнецова
Магистерий. Тайная игра
Серия «Сумрачные искусства»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69567778
ISBN 978-5-17-157264-8

Аннотация

Европа лежит в руинах после разрушительной войны. На обломках разрозненных европейских монархий маги творят единое государство: Магистерий. Люди развивают производство, и для этого всем нужна не нефть, а абсолют – материализованная благодать, на которой работают големы, поезда, техника и артефакты.

Среди послевоенной разрухи набирает силу Магический Надзор, лютует Инквизиция. Все человеческие дети должны проводить два года в закрытой школе, после чего пройти Дефиниции – испытания на наличие магической силы. И если ты ею обладаешь... что ж, значит, тебе не повезло.

Сможет ли молодой маг Лео Гавилан найти и спасти из школы ребенка с магическими способностями, а заодно – расследовать серию убийств с напарником-инквизитором?

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	39
Глава 3	73
Глава 4	95
Глава 5	118
Глава 6	144
Конец ознакомительного фрагмента.	153

**Ярослава Кузнецова,
Анастасия Воскресенская**
Магистерий
Тайная игра

Дизайн обложки Ольги Жуковой

Иллюстрация на обложке Натальи Динер

Магистерий. Тайная игра: роман / Анастасия Воскресенская, Ярослава Кузнецова

© Ярослава Кузнецова, Анастасия Воскресенская, 2023

© Наталья Динер, иллюстрация на обложке, 2023

© Ярослава Кузнецова, внутренние иллюстрации, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Древо Сефирот

Завеса присутствия
Абсолюта

Абсолютная
реальность
(мир Ацилут)

Бездна

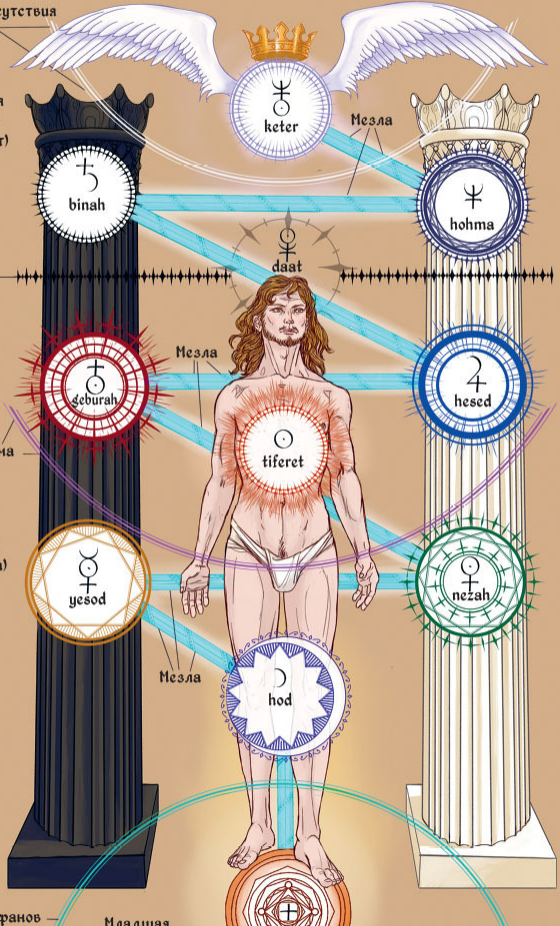
Старшая
реальность
(мир Брия)

Завеса Храма

Средняя
реальность
(мир Ицира)

Завеса Профанов

Младшая

ДРЕВО СЕФИРОТ – это символическая карта создания и устройства мира, которое используется в Каббале и других, родственных эзотерических учениях. Изучать Каббалу по нашей книге не стоит, авторы лишь опирались на древнее учение и интерпретировали его к своей выгоде.

Слово Сотворения, создавшее наш мир, звучит до сих пор. Оно пронизывает Древо Сефирот от первой сефиры *Кетер* до самой нижней сефиры *Малкут*, которая является нашим материальным миром. Эту силу называют по-разному: *Божественный Свет*, *Божья Благодать*, *Ор*, *Мезла*.

Древо состоит из **10 СЕФИР** (плюс ложная сефира *Даат*), божественных сосудов, расположенных ступенями от высших к низшим. Каждая сефира, принимая Божественный Свет, преломляет его, словно призма, пропуская все новые и новые свойства. И в самой младшей сефире Малкут обретает физическое воплощение.

Сефиры соединяются путями – арканами, но мы их на чертеже не изобразили. Здесь виден только путь *Божественного Света* – мезлы – от сефиры к сефире.

Сефиры расположены на вертикальных колоннах (столпах проявления). Левый столп является «женским», он же *Столп Суровости*, и изображается черным, правый – «мужским», это *Столп Милосердия* и он белый. Центральный столп называют *Столпом Равновесия* и часто вместо колонны рисуют фигуру человека – *Адама Кадмона*.

Столп Милосердия иерархически чуть выше Столпа Суровости, это можно проследить по направлению течения мезлы.

Глава 1

– Итак, господа, подводя итоги сказанному, – директор обвел угрюмым взглядом всех собравшихся, – с сегодняшней ночи назначаются дежурства. Дежури́м парами с отбоя, то есть с девяти часов вечера и до побудки. То есть до шести часов утра. Далее – обычное ваше расписание и ежедневные обязанности. Будьте бдительны. Если заметите подозрительные передвижения, присутствие в спальнях посторонних или животных, группу учеников больше двух, блуждание по коридорам дальше туалета после отбоя, разговоры и прочий бедлам – немедленно пресекайте. Чересчур активных – в карцер до утра, потом разберемся. Всем понятно?

Учителя согласно забормотали. Директор прошелся туда-сюда перед письменным столом, стуча по полу тростью.

– Лист с расписанием дежурств будет висеть в учитель-

ской через час. Настоятельная просьба – ознакомиться до ужина, чтобы исключить недопонимания, опоздания и идиотские вопросы. Вопросы любой степени идиотизма лучше задавать прямо сейчас.

– Господин Фоули, – учитель математики поднял руку, – означает ли это, что дежурство продолжается всю ночь? А когда же спать?

– Время дежурства разделяется на две смены. И мне, и коменданту, и падре, и даже нашему всевидящему оку Надзора¹ придется дежурить точно так же, как и вам. Не забываем, что наше учебное заведение не просто школа. Мы школа второй ступени, и наша ответственность перед обществом гораздо серьезнее, чем у преподавателей начальных школ, профучилищ и прочих институтов. Прошу не забывать об этом ни на минуту.

Еще бы, попробуй забудь. Два года фактически тюремного заточения, чтобы в финале прогнать детей через дистингер² и отделить овец от козлиц. И даже высокая вероятность, что козлиц в стаде не окажется, заточения не отменяет.

– Еще вопросы? Нет? Тогда расходитесь по своим классам, господа, сейчас будет звонок.

И правда, затрезвонил звонок – начался новый учебный

---

¹ Магический Надзор – государственная служба по охране и защите граждан от магических влияний.

² Дистингер – артефактный прибор, регистрирующий фоновые излучения канденция, вплоть до самых малых значений. Изобретен проф. Гиллеаном в 1918 году. В настоящее время действующих дистингеров осталось 6 штук.

день.

Лео подождал, пока выйдут те, кто спешил на занятия. У него имелся час перед уроком истории, так что в другой день можно было бы поспать на час подольше, но директор еще с вечера объявил об утреннем сборе для всего педсостава.

Предыдущей ночью ученики набезобразили в интернатском подвале – кто-то повесил на трубе куклу в школьном платье, до истерики напугав явившуюся среди ночи в подвал толпу подростков. На взгляд Лео, ничего особо криминального в этой выходке не было – все-таки День Всех Святых располагает. Но Фоули рассвирепел и таки нашел виноватого. А вчера после ужина обнаружилось, что сбежал один из учеников, Маттео Маллан.

Как понял Лео, побег ученика – не то чтобы особо редкое явление. Подростки, не привыкшие к суровой жизни в интернате, сбегали время от времени. Как правило, их даже не разыскивали: через сутки-полтора родственники возвращали беглецов. Сразу искать начинали тех, кто был на государственном обеспечении, детдомовцев. Эти уж если сбегали, так сбегали наверняка.

Маттео Маллан был мальчик домашний, непуганый. Восьмой класс, первый год в школе второй ступени, два месяца в интернате.

– Слышь, Серый! – В опустевшем коридоре Лео догнал физкультурник, здоровенный детина, ненамного старше его самого. По этой ли причине, или из-за общего простецового

хамства, физкультурник не утруждался обращаться к молодым коллегам по имени. – Закурить найдется? У тебя есть, я знаю. Пойдем, подымим.

Лео увернулся от похлопывания по плечу, но кивнул, проглотив раздражение.

– Привет, Большой Ро. Угощу, конечно.

– Своими дамскими конфетками?

– Чем есть, Ро. Вонючего матросского табака можешь у Фоули попросить.

– У него снега зимой не допросишься, – хохотнул физкультурник, поднял палец и рявкнул, подражая директору: – Бережливость и экономия, дар-р-р-моеды!

Они спустились по широкой лестнице – ее ступеньки словно обкусал по краю голодный великан, – пересекли пустой холодный холл и вышли на крыльцо, в промозглый воздух ноябрьского утра.

Небольшую площадку у входа обрамляли почти облетевшие узловатые тополя, путь на улицу отсекала высокая кованая ограда, всегда запертые ворота с калиткой и будка сторожа, оплетенная девичьим виноградом, еще не растерявшим пурпурные листья. За оградой вся улица тонула в сыром сумеречном тумане. В воздухе висела морось, и брусчатка, залепленная мокрыми листьями, блестела.

Лео достал серебряный портсигар и предложил физкультурнику тонкие сигариллы. Тот схапал две, одну сунул за ухо, другую в рот, и нагнулся к артефакту-зажигалке, кото-

рый Лео прикрыл от ветра рукой.

– М-м-м, вишенкой пахнет. – Большой Ро выдохнул ароматный дым и зажмурился. – Тебя твои богатенькие родители, что ли, спонсируют? Такие стоят, как вся моя жизнь.

– Нет. Это старые запасы. Наслаждайся, пока есть.

Лео оперся спиной о квадратную колонну, поджег сигариллу. Сам он курил нечасто и немного, но запас хорошего курева имел. Еще со студенческих времен он обнаружил этот забавный, но действенный способ подружиться с коллективом – совместное посещение курилки, крыльца или балкона, чтобы немного подымить, поболтать или помолчать, послушать. В эти минуты возникает загадочная близость и откровенность. Такая своеобразная простецовая магия.

Лео поднял воротник пальто, защищаясь от залетающей под козырек влаги – он так и просидел все собрание в верхней одежде. Раздеваться, по правде говоря, и в помещении не хотелось.

– Молодые люди, есть пара минут?

К ним подошел падре Кресенте, школьный капеллан. Кроме обязанностей священника, он занимался документами и иногда выполнял функции секретаря для Фоули. Невысокий и хрупкий, как подросток, в аккуратной сутане и с неизменной улыбкой.

Священник равно Инквизиция, и нельзя сказать, что Лео не испытывал некоторого напряжения и даже опаски, однако ровное и благожелательное отношение падре ко всем, вклю-

чая детей, Лео импонировало.

Он улыбнулся и протянул раскрытый портсигар.

– Угощайтесь, падре.

– Благодарю, я воздержусь. Мне к обеду надо подготовить списки для дежурств, и я хочу спросить, молодые люди, есть ли у вас пожелания и предпочтения насчет ваших партнеров? Лео, с кем бы вы хотели пойти в разведку?

– В разведку? С вами, падре, – быстро сказал Лео.

Врагов следует держать как можно ближе, так говорил Беласко – дядя, старший товарищ и глава Магистерия, хоть и самопровозглашенный.

Падре Кресенте поднял брови и рассмеялся. Он был ибериец, родом из королевства Арахон, брови имел черные, густые, а зубы белые-белые, как и колоратка на его сутане.

– Я польщен, сын мой. Так и запишем. А вы, Рональд?

– Да мне по барабану... только старых перцев мне не надо. А перечниц тем более. Это... с Юлио меня запишите. С Юлио, точно!

Ну-ну. Юлио Дюбо, наблюдатель от Надзора, вел в школе начальную магзащиту, то есть гонял ребят строем по двору и иногда тренировал разбирать-собирать на скорость портативные магдетекторы. Защитой, на взгляд Лео, там и не пахло.

Много эти друзья надежурят вдвоем? Будут пиво пить и радио слушать.

Лео покосился на священника – тот царапал самопиской в

блокнотике, – вдохнул дым и медленно выпустил в сторону. Спросил после паузы:

– Правильно ли я понимаю, падре, что Бьянку Венарди ожидает проверка Надзора? Или после карцера она может вернуться к учебе?

Падре оторвался от записей и улыбнулся:

– Ну что вы, Лео. Ничего сверхъестественного не случилось. Обычные шалости и нарушение дисциплины. Девочка чересчур увлеклась. Мы все надеемся, что наказание охладит горячую голову синьориты Венарди, и такого больше не повторится. Ловить ведьм там, где их нет, – не слишком разумно.

Ну, слава Ястребу! Фоули так орал на бедную девочку, что за двумя закрытыми дверями в коридоре было слышно. Когда Лео вчера утром пришел в школу, все только и говорили, что о висельнике в подвале, который то ли был, то ли не было, и о привидении, которому это тело принадлежало. О привидении вообще ходили упорные слухи и гуляли страшные истории, и Лео нутром чуял, что тут все не так просто.

Он подозревал, что и другие это чувят. Нет дыма без огня, а Бьянка некстати подлила масла в этот огонь. Ее выходка была несколько больше, чем просто шалость и нарушение дисциплины. К тому же история с повешенным, случайно или нет, совпала с побегом ученика. Из всего этого можно было раздуть грандиозный скандал.

Но если директор Фоули ограничится дежурствами и кар-

цером, а наблюдатель от Надзора не ловит мышей, то и слава феям.

– Вот ты где, Ро, Мордач, мать твою! Ты спер мою цацку! Ты спер цацку мою, жирная рожа!

От угла школы к крыльцу спешил, волоча метлу, школьный истопник и дворник по прозвищу Дедуля. Физкультурник поперхнулся дымом.

– Чего? Какую цацку, ты в своем уме, Дед?

– Мою цацку! Сам знаешь, какую! А ну выворачивай карманы, показывай!

– С ума сошел? Пьяный черт! С утра глаза залил или с ночи не проспался? Иди к себе. Эй! Что ты меня хватаешь? Пошел вон!

Лео и падре Кресенте с удивлением наблюдали, как явно не проспавшийся Дедуля, бросив метлу, пытается схватить отступающего за колонну физкультурника.

– Падре, скажите ему, чтоб шел к себе! Дедуля, отвали, пока я тебе не вмазал, чего ты пристал? Руки убери!

– Конрад, – окликнул истопника падре Кресенте, – что вы хотите от Рональда? Объясните нам.

– Пусть вернет, что украл! – Дедуля возмущенно тыкал пальцем в физкультурника. – Вор, гаденыш, обокрал спящего!

– Да тебе приснилось, – догадался физкультурник, – ему приснилось, падре, с пьяных глаз. Что у него красть? У него в камерке старье да мусор, дверь не закрывается. Кто угодно

мог с улицы зайти. Почему я?

– Ты! Ты его видел, и ты забрал! Сам мне подливал, с-с-собака!

– Я вообще не пью, особенно с такими, как ты! Убери руки, пьянь!

Падре Кресенте покачал головой.

– Конрад, вы и правда... не совсем трезвы. Постарайтесь выспаться, прийти в себя и высказать свои претензии Рональду в более приемлемой форме. Если вы к тому времени о них вспомните.

– Ты думаешь, я вру? Думаешь, я заливаю, да? Падре! Я не вру! Этот сукин сын спер мою цацку!

– О, падре, смотрите, – сказал Лео, – смотрите, это, кажется, Маттео Маллан.

За воротами стояли трое, и сторож, выбравшись из будки, отпирал им калитку.

На площадку перед крыльцом шагнул высокий сутулый мужчина в кургузом плаще, он волок за локоть подростка в синей школьной куртке. Тот не сопротивлялся, но брел понурившись. Следом за ними шла женщина – не старая еще и когда-то, наверное, красивая, но заморенная и словно бы выцветшая. В руке она комкала платочек и то и дело промокала глаза.

Падре Кресенте двинулся им навстречу.

– Господин Маллан, госпожа Маллан, приветствую вас. Спасибо за содействие и высокую гражданскую ответствен-

ность! Господин Фоули, и я, и вся администрация – мы все благодарим вас за быстрое, без проволочек, возвращение Маттео в стены школы. – Он шагнул мимо мужчины с мальчиком прямо к женщине, которая запнулась и остановилась, беспомощно покачиваясь и моргая сквозь слезы. – Госпожа Маллан, очень сочувствую! Знаю, что это было нелегко. Скрепите сердце, через два года ваш мальчик – уже юноша – вернется к вам.

– Ох, падре, каждый день молюсь об этом, – всхлипнула женщина, – и чтобы обошла нас угроза эта ужасная, и чтобы артефакт-то надзорский не ошибся бы!

– Дистингер не ошибся еще ни разу, госпожа Маллан. Дефиниции – это величайшее испытание нашему смирению, но каждый из нас должен пройти их. А юные обязаны пережить два года суровых перед испытанием. Будем помогать друг другу и поддерживать. Господин Маллан, – он обратился к мужчине, – принимаю из ваших рук вашего сына Маттео и еще раз благодарю за добросовестное выполнение гражданского долга и за оказанное школе сотрудничество.

Мужчина одной рукой стащил кепку, смял ее и прижал к груди, а другой подтолкнул сына к священнику.

– Вот, падре... вертаем, значит. Заблудшего.

Падре ласково улыбнулся и протянул подростку обе руки. Маттео, не поднимая головы, пошаркал к нему.

Лео глядел на родителей и не знал, что чувствует – то ли жалость, то ли неловкость, почти отвращение. Эти двое с ко-

ровым послушанием привели обратно на скотный двор своего теленочка и теперь надеются на лучшее. Авось бог милует, и чадо никак не проколется за два года и пройдет эти распроклятые Дефиниции.

Впрочем, в падре есть что-то такое, что заставляет надеяться на лучшее, этого у него не отнять. Ну, на то он и священник.

– Что, Маттео, – говорил тем временем падре Кресенте, – тяжело в интернате? Всем несладко, дружок, зато после Дефиниций к тебе никто не подкопается: ни Надзор, ни Инквизиция.

– Я... я не малефик! – выдавил младший Маллан.

– Не сомневаюсь. Однако надо доказать это государству. Мы все это доказывали, Маттео. И я, и папа, и мама. И господин Фоули. И даже господин Дюбо.

– Вас на два года не запирали. Вы просто Дефиниции прошли, и все!

– Вот и жаль, что не запирали. Если бы запирали и следили бы за молодежью – меньше жертв было бы на этой войне. Пошли к директору. Только прими раскаявшийся вид и не препирайся с ним. Глядишь, и в холодную не посадят. До свидания, госпожа Маллан, всего доброго, господин Маллан. Еще раз благодарю.

Падре повел подростка к дверям школы, мимо все еще переругивающихся физкультурника и Дедули.

Ловко же ибериец разговаривает и с учениками, и с их

родителями. Ласково, но без попустительства. Маттео даже приободрился, а ведь ему сейчас влетит от директора так, что небо с овчинку покажется.

Надо бы и мне подобным образом научиться, а то ведь не знаю, с какой стороны к ним подойти.

Лео вздохнул, отщипнул ногтями дотлевший до перламутрового бумажного колечка огонек на сигарилле, спрятал остаток в портсигар и отправился следом за падре в школу.

– Итак, в прошлый раз мы изучали «Причины и поводы войны 23 года». – Лео обвел взглядом притихший класс, придвинул к себе тетрадь с планом урока. – Думаю, вы помните, что я рассказывал, прочли соответствующую главу в учебнике и хорошо подготовились к сегодняшнему опросу.

Ничего они не читали, конечно.

Дети из бедных семей ремесленников, рабочих и артефакторов первой и второй степеней – тех, кто занимается городским освещением или монтирует телефонные линии. Не было у этих детей привычки к упорной учебе, а было только желание продержаться два года и выйти после Дефиниций на свободу. К станкам, в мастерские, в депо или в прачечные,

где работали их родители, старшие братья и сестры.

Семьи побогаче и повлиятельнее всеми силами старались избавить своих отпрысков от фактически двухгодичного заточения, платили особый налог, подписывали в Магическом Надзоре кучу бумаг и, когда подходила очередь, привозили своих чад на Корабельную улицу, к дверям МН.

Детей возвращали не всех.

Если дистингер, один из шести исправных артефактов Дагды Гиллеана, обнаруживал у подростка подозрительно высокие значения фоновых эманаций кандэнеция, то судьба его была predetermined – он поступал в распоряжение Унии Артефакторика. Официально молодые малефики переучивались на артефакторов, но на самом деле... Бездна знает, что там происходило с ними на самом деле. Переученные бывшие малефики вроде бы считались свободными гражданами, но по улицам они не гуляли и в семьи не возвращались.

Класс наблюдал за Лео двадцатую парами глаз: серых, голубых, угольно черных, карих – и ни в одном взгляде интереса к царице наук, истории, не угадывалось. Лео еще даже не успел все имена запомнить, что уж говорить о каких-то педагогических успехах. Да и не для того он здесь, будем честны.

За последней партой сидела та самая девица, Бьянка Луиза Венарди, из-за которой в учительской было столько шума. Высокая, тощая, с зеленым кошачьим взглядом, вздернутым конопатым носом и бритая почти наголо, только свет-

лый ежик волос начал отрастать.

Когда ее в сентябре привезли в школу, медсестра обнаружила вшей и изничтожила их вместе с прической. Добрые и тактичные одноклассники немедленно прозвали Бьянку Луизу «Лысая Лу», но ее это, кажется, не смущало.

В правом ряду, у окна – понурый Маттео, которого сегодня вернули родители. За первой партой, прямо перед учительским столом – две похожие девочки, с каштановыми косичками, одинаково темноглазые – сестры-двойняшки родом с самых окраин Артемизии. Старых окраин, даже не новых. Одну из девочек звали вроде бы Марея, вторую э-э-э...

Лео беспомощно заглянул в журнал.

– Дефо Габриил, – прочел он первую попавшуюся фамилию.

Поднялся невысокий юноша, белобрысый, узкоплечий. Казенный синий пиджак из грубой шерсти (что за мерзость этот материал, Лео за неделю весь исчезался) сидел на нем, как мятый футляр.

– Я, господин учитель.

– Назовите основные разногласия между малефиками и настоящими людьми, послужившие причиной конфликта в начале двадцатых?

Хорошенький вопрос, который занимал светлые головы по обе стороны баррикад не только в начале двадцатых, но и как минимум последнюю тысячу лет. Скверно отпечатанный учебник в клеенчатой обложке, «кор. типогр. инкв.

№ 11099», ответом располагал кратким и ясным. Видно было, что юный Габриил учебник не открывал. Может, и к лучшему.

– Ну так... господин учитель, стало быть...

Лео незаметно вздохнул и сложил ладони домиком, утвердив на них подбородок. По ногам дул сквозняк, и они отчаянно мерзли в опорках из чертовой кожи, которые выдала кастелянша вместе с остальным положенным обмундированием.

– Подумайте хорошенько, Габриил. Такая разрушительная и кровопролитная война ведь не могла начаться на пустом месте. Значит, были причины. И закончилась она всего пять лет назад. Что-то же вы должны были об этом слышать?

Двойняшка Марeya хихикнула и пихнула сестру локтем. «Дебил», – беззвучно, но отчетливо артикулируя, прошептала та. Юный Габриил налился пунцовым румянцем.

– Известно ж, малефики настоящих людей притесняли и умучивали, и потом ихний главный, этот... Красный Лев... сказал, что свое государство строить будет, а настоящих людей поистребит всех.

Лео терпеливо молчал. Дефо Габриил тоже замолк – видимо, его знания на тему обсуждаемого предмета полностью исчерпались.

– Ну хорошо. Садитесь. Бернини... э-э-э Розалин. Найдется, что добавить?

Поднялась красивая девочка, обладательница белокурых

локонов и ясной синевы глаз. Волосы тщательно заплетены колоском, платье аккуратное, ни одной складки. Как только некоторые девочки умудряются в здешних условиях? Без мам, без пап, без слуг, в интернате?..

– Основная причина войны – ресурсы абсолюта. Малефикам нужны те же самые разломы³, места силы, источники абсолюта, которые используют настоящие люди для создания артефактов. Наша цивилизация требует огромных затрат абсолюта – для международных перевозок, транспорта, энергосетей и работы больших артефакторных механизмов на заводах и фабриках...

Девочка начала бойко сыпать цифрами, почерпнутыми из учебника. Лео слушал ее, полуприкрыв ресницы.

Веками высокие фейские дома обитали в горделивой изоляции, если они и интересовались простецами, то исключительно с теоретической стороны. Иные же маги, не имеющие в собственности (или неспособные, или не желающие искать и осваивать) мало-мальски пригодный для обустройства разлом, часто поселялись в городах, бок о бок с простецами. Но им-то с простецами как раз нечего было делить.

И пока высокоумные потомки фей спорили на темы «субстрат ли для нас профанное общество или, напротив, балласт», а также «доброе отношение к простецам – слабость или признак духовной силы?», упомянутое общество

---

³ Разломы – трещины из Средней Реальности в Младшую Реальность, наш мир.

уже стояло на границах скрытых под вейлами⁴ волшебных долин со своим техническим прогрессом: двигателями, работающими на твердом абсолюте, тяжелыми дивизионными гаубицами и распроклятыми дирижаблями. Это для магов их долины были священными родовыми гнездами, а для простецов они являлись крупнейшими месторождениями абсолюта, которые даром простаивают.

Мест разломов – трещин в Среднюю Реальность, – пусть и не таких богатых, легендарных и древних, как принадлежавшие магам, на земле, а также под землей, хватало. Можно было бы вложиться в их разведку, разработку... Но, имея в своем распоряжении новые механизмы, которые можно приспособить для войны, как ее избежать? Маги заплатились за высокомерие, а простецы – выплеснули накопленный за многие годы страх.

Итог: пустая, выеденная войной скорлупа империи, лишь формально очерчивающая собственные границы, гибель десятков тысяч людей: и простецов, и магов. И гигантская, истекающая мезлой⁵, коверкающая реальность воронка на месте древнего центра Венеты. Рукотворное место силы, к которому профаны даже присосаться не могут – кусок не на их

---

⁴ Вейл – энергетическая изолирующая структура, замкнутая, наподобие пузыря, или разомкнутая, как полотно. Цели и функции у вейла могут быть очень разные – от защитных (например, дефенсор) до невидимости (зеркальный вейл).

⁵ Мезла – в Каббале одно из названий Божественного Света, исходящего из сущности Творца, пронизывающего все Дерево Сефирот и воплощающегося в материальном мире.

роток...

Однако будем честны: этот кусок ни в один роток не пролезет. Ни у кого еще такой пасти не выросло – сырую мезлу хлебать...

Центр теперь сдвинулся в сторону пригородов, и бывшая Венера пафосно переименована в Артемизию. Страх и высокомерие, о да.

– ...приведшее к коварному самоубийству Красного Льва и его армии в центре города, к массовым жертвам и разрушениям, – закончила Бернини Розалин.

– Очень хорошо. Садитесь, пожалуйста. – Лео поставил оценку напротив ее фамилии в журнале и тоскливо глянул в окно.

Его не было в рядах соратников Красного Льва, «коварно самоубившихся» на Площади Семи Звезд в центре Вены в апреле двадцать шестого. Там, среди родичей, друзей и близких. Ни Лео не было, ни Беласко.

Зато сейчас есть кому клеивать черепки.

За окном, напротив интерната, в углу двора, где островком росли старый вяз и несколько деревьев потоньше, кто-то возился, доносился скрежет пилы. Листва уже полностью осыпалась, и в ветвях был хорошо различим силуэт крупного человека – да, кажется, это Мордач или Большой Ро, – и он с энтузиазмом пилил толстый сук. Сук трясся, с него сыпались мелкие веточки и древесный мусор. Под стеной интерната уже валялась, пересекая дорожку, отпиленная ветвь.

Внизу стояли двое мужчин: Алоиз Лемман, преподаватель физики и артефакторики, древний, сухонький, в неизменном сером пальто и полосатом шарфе, и Отто Нойманн, заведовавший трудовыми мастерскими у мальчиков – тоже немолодой, в выгоревшей военной куртке поверх замызганного синего комбинезона и с фанерным чемоданчиком в руках. Наверное, там были инструменты.

Стоило отвлечься от урока, как немедленно отвлекся весь класс – их внимание безнадежно было утеряно. Подростки вытягивали шеи и тоже глазели на происходящее за окном, обмениваясь приглушенными комментариями, которые становились все громче.

– Гляньте, Мордач пилит сук, на котором сидит!

– Ага, навернется вместе с ним на крышу прачечной и проломит ее к демонам!

– Он что, все сучья собрался спилить? На кой черт, жалко же дерево!

– Господа, давайте вернемся к уроку, прошу вас, – воззвал Лео, но тщетно.

Голос подал Маттео, вплетаясь в общий возбужденный гул:

– Это я Мордачу показал, как меня привидение вывело. Там если со второго этажа по карнизу пройти, можно было на дерево перелезть... во-он по тому суку, который спилили. А потом вот по этому, который Мордач пилит, на крышу можно перебраться.

– Привидение? Да ты гонишь, Толстый!

– Ничего я не гоню. Видел его, как тебя. Маленькая девчонка. Глаза у ней завязаны. Я все рассказал падре – вот господин директор и приказал сук спилить. Чтоб оно больше никого...

– Ти-ши-на! – наконец рявкнул Лео, подкрепляя каждый слог ударом увесистого классного журнала по столешнице.

Сработало. Класс немедленно затих, и все снова преданно уставились на него.

– Урок еще не закончен, прошу вас сосредоточиться на нашей теме, – сказал Лео, пытаясь унять сердцебиение... В ушах все еще звенело от собственного крика. Откуда он вообще взял, что способен преподавать? – Сейчас я расскажу вам о человеке, который выбрал третий путь, и, если бы он не погиб так трагически, возможно, этой войны бы не случилось. Его звали Константин Дагда Гиллеан, и он был одновременно и артефактором, и малефиком, и заведующим кафедрой Функциональной Магии в Венетском Королевском Университете...

В столовой давали тушеную капусту с кусочками солони-

ны. Лео сидел над тарелкой и мучался – капустный дух вызывал спазмы в желудке. Как они это едят?

Но есть хотелось.

Учителя и сотрудники школы частенько задерживались на ужине после ухода учеников, и не столько потому, что не всегда успевали к началу – нужно было подготовиться к следующему дню и запереть классы, – сколько потому, что ужин плавно растягивался в долгие вечерние посиделки с чаепитием. В интернат уходили только дежурные воспитатели.

– Рыбий жир, миленькая, вреден, в газетах позапрошлого дня писали, – сидевшая справа географичка, перегнувшись через стол, втолковывала школьной медсестре, – топят его из сельдяной требухи. Пока вытопят – все полезное убьют. Вместо витаминов там смола техническая, мазут, а мы детей этим пичкаем и сами глотаем...

Почти весь персонал проживал тут же, в школе, на четвертом этаже спального корпуса, где каждому сотруднику полагалась комната. Лео тоже ее выделили – в ней еще две недели назад жил учитель истории, но он заболел и вынужден был уволиться.

Лео от комнаты отказался, а теперь жалел. Он снял квартиру в городе, однако квартира оказалась немногим лучше спальни в интернате – тоже тесная и холодная, с плесенью в отсыревших углах и вечно продуваемым окном. А еще Лео видел там в туалете тараканов. В школе с насекомыми боролся комендант, а в том доме – никто.

Верхние лампы отключили, только над большим столом, где ужинали учителя, одна светила вполсилы, да за открытой дверью на кухне горел свет – там посудомойка гремела тарелками. Гудели разговоры, звякали стаканы, булькал разливаемый кипяток, который математик принес с кухни в большом алюминиевом чайнике.

Заварку – низкого качества чайный лист с палками и щепками, – а также сушеные дольки яблок, сахарин, сухарики и окаменевшие баранки сотрудники школы сами принесли к общему столу. Лео выложил несколько страшноватых пончиков в промасленной газете, которые купил еще утром, по дороге в школу. За день они остыли, засохли и скукожились. Не стоило их покупать. Но откуда ж Лео знал, что к вечеру они так мумифицируются?

– Миленький, – шепнула географичка, не прекращая кивать и улыбаться что-то жарко доказывающей медсестре, – послушайте моего совета, не берите никогда это жареное в масле тесто. Ни пончики, ни пирожки. Бог знает, на чем их жарят – на машинном масле наверняка, – а уж чье там мясо – подумать страшно.

– Утром они выглядели аппетитно, – пробормотал Лео, отодвинул тарелку с капустой и кивком поблагодарил математика, налившего в его стакан подкрашенного заваркой кипятка.

А ведь кто-то из них информатор Красного Льва.

Лео глотнул горячей воды, пахнувшей пыльным веником.

Обвел взглядом полутемную столовую.

Интересно, кто? Кто сотрудничает с врагами рода человеческого?

Кто-то из старой, давно распавшейся сети информаторов «коварно самоубившегося» главы Магистерия воспользовался уже неработающими каналами, которые Беласко никак не поддерживал. Чудом дошло письмо. Беласко подозревал провокацию, но Лео все равно решил попробовать. Не в том они положении, чтобы упускать возможности, пусть даже такие эфемерные.

Географичка повернулась к медсестре и отрицательно помотала головой в ответ на ее реплику, и мелкозавитые кудряшки запрыгали по плечам. Подняла палец и потрясла им. Может ли она быть информатором? Если да, то она знает, который из детей – цель Лео. Каким-то образом она ребенка вычислила. Как, кого? Кто это искомое дитя?

Или вот медсестра, на первый взгляд совсем юная, а если присмотреться – далеко не девочка, просто очень худая и большеглазая. Черты лица как у куколки, подведенные карандашом брови, бесцветные, затянутые в пучок волосы, ей бы толику дульсэдо⁶ – была бы очень недурна.

А географичка – сколько ей лет? Не старая ведь еще, если взглянуть на ауру. Но лицо уже оплыло, мелкие морщинки, под глазами мешки... Обе женщины накрашены плохой косметикой, на ресницах комочки, голубая краска собралась

---

⁶ Дульсэдо – украшающее заклинание.

в складки век, помада наполовину съедена, наполовину размазалась... Лео вздохнул и отвел глаза. Они и в подметки не годились его матери.

Анкарна Фрезия Цинис, урожденная Гавилан, родила Лео, своего младшего сына, когда ей было шестьдесят восемь, а погибла – когда было восемьдесят пять. В его памяти навсегда сохранился ее образ: невысокая, но стройная, узкая и в плечах, и в бедрах, с длинной талией, затянутой в шелк, с длинной хрупкой белой-белой шеей, перечеркнутой коралловым ожерельем. Пепельные локоны скользят по плечам, уголки пурпурных губ всегда приподняты.

Мама. В два раза старше этой бедной женщины, преподающей географию. Если бы мама осталась жива, то и сейчас бы не сильно изменилась. Кровь Мелиор, что тут скажешь...

– Серый, ты чего на меня уставился? – Мордач, предпочитающий, чтобы его называли Большой Ро, криво усмехнулся. – Считаешь, сколько раз я от пончика твоего откусил?

Лео перевел взгляд на мумифицированные останки в руке физкультурника и помотал головой.

– Ешь на здоровье. Я просто задумался.

– Че тут думать, тут прыгать надо, – Мордач засмеялся своей непонятной шутке, – не, правда, чего пригорюнился? Ученички достали?

– Маллан сегодня на уроке заявил, что его вывело из школы привидение. По тому суку, который ты спилил.

– А! Пройти там можно было, да. Хитрая тропинка.

– А привидение? Как ты думаешь, мальчик и правда его видел?

– Гы, охота тебе всякие страшилки детские слушать, Серый. Просто пацан кого-то из старших заметил, кто этой дорогой лазал. И слил по дурости тайную тропу. Ему еще вломят за это.

– То есть ты не веришь в привидения? А что говорит Надзор?

– Юль, – Мордач толкнул локтем сонного приятеля, – тут твоя профессиональная консультация требуется. Как у нас в школе с привидениями?

Юлио Дюбо не уступал физкультурнику в габаритах, однако характер имел флегматичный, а общий вид такой, будто мирская суета его давно разочаровала. Он взглянул на Мордача, на Лео и поморщился:

– Ну что вам еще?

– Слухи о привидении, – спросил Лео, – имеют ли под собой какое-то основание? Я так понял, оно ни с того ни с сего активировалось?

– Любые слухи имеют под собой какое-то основание, – устало сказал Дюбо, – особенно если их искусственно раздувать. Вот этот скандал в подвале с повешенной куклой. Спровоцировал новую волну слухов. Однообразная жизнь в замкнутом пространстве, – Дюбо подвигал по столу пустым стаканом, – рождает всяческий бред. К февралю тут еще и вампиры появятся.

Лео кивнул и дальше развивать эту тему не стал. Маттео действительно мог заметить кого-то, пробиравшегося по ветке.

Выходить из школы запрещено, и она даже охраняется, но нельзя сказать, что вот прямо-таки мышь не прошмыгнет. Обязательные два года взаперти требовались, чтобы на момент созревания подростки находились перед глазами наблюдателей – именно в пубертате чаще всего проявлялся и формировался разлом, прямой пробой, течь из миров Средней Реальности. Ну и финальные Дефиниции – «определение ведьм» – обнаруживали тех, кого за два года не выявили наблюдатели.

Однако маленькая девочка с завязанными глазами – это уже ни в какие ворота.

Ладно, главное, Надзор не мчится проверять. Не нужно нам внимание Надзора. Совсем некстати.

Из окна за спиной тянуло холодом, ветер тряс стекло, на две трети выкрашенное побелкой. Снаружи было темно, в пятне света от фонаря металась голые ветви. Лео зябко пожегся. Ему очень не хотелось выходить на улицу и идти по темноте к трамвайной остановке, чтобы трястись к Сиреневым кварталам, где он снял квартирку. Провести ночь в промозглой комнате на отсыревших простынях и рано утром невыспавшимся и помятым вернуться в школу.

Еще неделю назад идея ночевать в городе казалась ему удачной – так удобнее встречаться с Дис, да и комната быв-

шего историка уютом не отличалась... Но встреча с Дис назначена только через три дня, а таскаться в непогоду через полгорода приходится постоянно.

Пора было идти, пока не зарядил дождь.

– Эй, кто-нибудь! – Из кухни высунулась посудомойка, вытирая руки об фартук. – Господа, сходите кто-нибудь к Дедуле, пните его хорошенько! Совсем обнаглел, пропойца. Вода холодная, как мне посуду мыть? Пните его, пусть пошевелится, какого ляда нужен истопник, если трубы остывают?

– А я думаю, почему так зябко, – пожаловался Алоиз Лемман, растирая плечи сухими ладонями, – молодежь, сбегайте кто-нибудь?

– Я найду, – сказал Лео, вставая, – мне по дороге. Все равно выходить.

– Если не проснется пьянчуга, водой его облей! – напутствовала посудомойка.

Географичка засуетилась, выбираясь из-за стола.

– Миленький, обожди, я Конраду ужин соберу. А то ж пропадет его порция! Погоди минуточку!

Она убежала на кухню – низенькая подвижная женщина, похожая на оживший чурбачок в седых кудряшках. Как ее бишь... Эмилия Ковач.

Лео поднялся в учительскую за пальто, а когда спустился на первый этаж и шел мимо столовой, Ковач догнала его и вручила поднос с миской и стаканом. Лучше не придумаешь – идти так по улице и нести ужин какому-то алкоголику!

Лео скрипнул зубами, но поднос взял. Требовалось налаживать связи с коллективом. Нужно быть миленьким и покладистым.

Географичка открыла и придержала ему дверь, Лео вышел на крыльцо.

– И скажи Конраду, что я свой талон на него потратила! – крикнула она Лео в спину. – Пусть отдаст завтра. И посуду пусть вернет!

Лео обогнул здание школы. Осторожно ступая, чтобы не поскользнуться на раскисших листьях, пересек двор. По правую руку над спортивной площадкой горел фонарь, и впереди светились окна интерната, но у стены, под кустами, было темно, хоть глаз выколи.

Лео уже привычно подавил желание щелкнуть пальцами, чтобы вызвать огонек сцинтиллы⁷. Нельзя. Даже если рядом никого нет и никто не видит. Школа второй ступени изнутри и снаружи утыкана детекторами раза в два гуще, чем любое другое здание.

Можно перераспределить избыток кандения, питающего фоновую удачу, и настроить ночное видение – единственное, что было допустимо в его положении, – но Лео сдержался. Лучше и этого не делать.

Без дистингера избыток вычислить невозможно, однако не стоит вообще оперировать магией. Беласко так и сказал: «Нашего брата ловят на действиях импульсивных, рефлекс-

---

⁷ Сцинтилла – заклинание освещения.

торных. Вот контролируешь ты себя, никакой магии, воду в чашке не кипятишь. Разжигает плиту, ставишь чайник. Налил кипятка, махнул неловко рукой и сшиб чашку со стола – что ты будешь делать? Девяносто восемь из ста, ты рефлекторно подхватишь ее пульвинаром. А простец в лучшем случае отскочит подальше от кипятка, чтоб не обжечься. То же рефлекторно. Чтобы тебя не выдали такие спонтанные действия, перестань вообще пользоваться магией, даже если уверен, что детекторов вокруг нет. Гарантия не стопроцентная, но все-таки сколько-то очков она тебе даст».

Лео поднялся на пару ступенек к двери, обшитой ржавым железным листом, постучал. Подергал ручку, снова постучал. Тишина. Ну конечно, заперто, а ключ, скорее всего, у директора – Дедуля разгильдяй тот еще. Да и вообще, похоже, этой дверью давно не пользовались, вон как ручка грязью заросла.

Пришлось идти обратно, к воротам. Сторож отпер калитку, и Лео, балансируя подносом, выбрался на улицу.

Тускло горели фонари на растяжках – над воротами и у поворота в переулок, – их окружали рыжеватые кольца сияния, хорошо видимые в перенасыщенном влагой воздухе. От дыхания шел пар. Запоздавшие пешеходы спешили в сторону трамвайной остановки, час пик давно закончился.

Школу окружали по большей части конторы, казармы, мастерские и магазинчики. Дальше, за дугой нового бульвара, начинался фабричный район. Когда-то он был самой окраи-

ной Венеты, а теперь, когда центр переместился на несколько десятков километров южнее, стал окраиной Артемизии, только с другой стороны.

Лео свернул с Лавровой улицы в Караульный переулок. Длинное здание школьной прачечной и примыкавшая к ней котельная имели отдельные выходы прямо в переулок: прачечная обслуживала не только школу. Лео споткнулся о деревянный щит, прикрывающий люк в угольный подвал, едва не выплеснул на землю содержимое подноса. Помянул тоху и боху, прикусил язык и старательно чертыхнулся по-простецки.

Постучал в дверь котельной. Дедуля не ответил, но под рукой она подалась и, скрипнув, распахнулась.

– Господин Бакер! – крикнул Лео, перешагивая порог.

Дверь открывалась на лестничную площадку. С одной стороны ступеньки вели вверх, с другой – вниз, в полуподвал. И наверху, и внизу было темно.

– Господин Бакер! Вы спите? Это Лео Грис, учитель истории.

Никакого ответа. Лео чертыхнулся еще раз, стучаясь подносом обо все подряд, вытащил из кармана зажигалку. Освещая себе путь дрожащим огоньком, поднялся по тесной лестнице. На следующей площадке обнаружилась всего одна дверь, а сбоку – железные перекладины вертикальной лестницы на чердак.

Лео пнул дверь ногой и вошел в комнату. Здесь было со-

всем тесно, прямо у входа стоял стол, заставленный какими-то коробками, пустыми бутылками, заваленный газетами. Лео сунул на стол поднос – и бутылки со звоном раскатились, попадая на пол. Поднял зажигалку повыше, освещая топчан под окном без занавесок, скомканное тряпье, маленькую темную цилиндрическую печку, и – в узком промежутке между столом и топчаном, на полу – вытянутые ноги в стоптанных бесформенных башмаках.

Почему-то Лео сразу, даже не попытавшись посмотреть ауру, понял, что хозяин башмаков мертв. Что он не лежит тут, мертвецки пьяный, а именно мертв. Может, из-за неестественной тишины в комнате. Очень холодно. К кислому душку нестиранного тряпья и машинного масла добавлялся едва уловимый запах – неприятный, острый, раздражающий. Так пахнет уже свернувшаяся, подсохшая кровь.

Лео обошел стол, нагнулся, рассматривая мертвеца. Голова и плечи его скрывались под доской, опрокинутым ящиком с какими-то железками и заскорузлой ветошью, осколками стекла и перевернутой керосиновой лампой. Лео сразу отступил – не хватало еще поджечь тут все к самым нижним демонам.

Похоже, Дедуля ударился о полку, и та сорвалась, прихлопнув его сверху и засыпав бараклом.

Надо вызвать полицейских. Но сперва вернуться в школу и «обрадовать» коллег.

Глава 2

Когда полицейские уехали, закончив все формальности и забрав тело, было уже около одиннадцати часов вечера. Несчастный случай, как и предполагал Лео. Полицейский сержант сразу определил, что Дедуля был сильно пьян, потерял равновесие и ударился о полку.

Однако Лео как нашедшего труп не отпускали до самого конца и потребовали подписать протокол. Все это было очень неприятно и некстати, но Лео подавил острое желание потихонечку затеряться в толпе взволнованных коллег и сбежать. Поэтому он как законопослушный гражданин делал все, что от него требовали: все рассказал, показал и подписал.

Ехать домой было поздно, трамваи уже не ходили. Можно пройти дальше, к бульвару – там часто стояли извозчи-

ки, ожидая поздних пассажиров, – но Лео, обладая весьма скудными средствами, решил остаться в школе. Падре охотно вошел в его положение, и они поменялись в графике дежурств с Отто Нойманном, трудовиком, и его женой Кларой, обучающей девочек кройке и шитью.

Слабенький луч артефактного фонарика едва освещал широкий темный коридор на третьем этаже. Сквозь незанавешенные высокие окна пробивался свет уличных фонарей, узкими длинными квадратами ложился на истертый кафель пола.

Лео, борясь с сонным ознобом, снова повел фонариком – тишина, пустота. Гулкие шаги отдавались эхом под потолком, щеки горели, словно наждаком натертые – он выпил перед началом дежурства лишний стакан чая с крупинками сахара, но жидкая заварка не бодрила, а заменитель сахара не придавал сил, только оставлял привкус металла во рту.

И дневных проблем хватало, теперь еще и это! Ну как искать этого ребенка, маленького гражданина будущего Магистерия? Среди почти полутора сотен учеников. Если бы мага можно было легко определить, не нужны бы были Дефини-

ции.

Церковь рассказывает, что у магов – простите, малефиков – свищ в душе, пробоина в высшие миры, из которой хлещет – или сочится, у кого как – божественная благодать, энергия творения, истинная форма абсолюта⁸, канденций⁹, мезла – его по-разному называют. Церковь рассказывает, что вместо того, чтобы двигаться положенными путями, от сефиры к сефире, постепенно реализуя свой потенциал и материализуясь в предназначенные формы, канденций попадает в плен злой воли малефиков, и те воплощают его к своей корысти во что заблагорассудится. И тем препятствуют исполнению божественного замысла и извращают его.

А изготовление артефактов божественному замыслу не препятствует и ничего не извращает, так как в артефактах используется конечный продукт, овеществленный абсолют.

Теоретически мага распознать очень просто, и любой, обученный видеть ауры, заметит и эманации избыточного канденция, потому что избыток, у кого больше, у кого меньше, есть всегда. А обучить распознаванию ауры можно даже простеца. Но это в теории. На практике редко когда маг допускает бессмысленное расточение канденция вовне, позволяя случаю играть с ним. Это не только глупо, но и опасно. Даже маленькие дети интуитивно научаются так или ина-

---

⁸ Абсолют – спонтанно воплощенный структурированный канденций. Образуется на краях крупных разломов.

⁹ Канденций – мезла, изливающаяся из Средней Реальности в Младшую.

че использовать канденций своим желанием улучшить или изменить что-то. Очень, очень часто канденций питает простенький шарм или харизму – любой ребенок жаждет, чтобы его любили и хвалили.

Спонтанные неуправляемые выбросы случаются у простецовых детей, рожденных с разломом, но только потому, что, во-первых, разлом частенько проявляет себя неожиданно и резко в период созревания, а во-вторых, ни сами дети, ни их родители знать не знают, что делать с открывшимся даром. Для них это не дар, а проклятие, ставящее крест на всей дальнейшей жизни.

Но даже простецовые дети умеют освоить подтекающий из разлома избыток. Так что следует не ауры учеников рассматривать – это и так ничего не выявило, – а проверить сперва лидеров и любимцев.

Ну или искать осведомителя среди взрослых. А также помнить, что осведомитель мог ошибиться и никакого маленького малефика в школе нет.

И не забывать, что Беласко может быть прав и пришедшее по старым каналам письмо – просто крючок с наживкой, на который невозможно не клюнуть.

Лео помотал головой. Прекрати сам себя накручивать, Цинис. Делай дело, за которым пришел. Если оно для тебя слишком сложное, то нечего было и начинать. Можешь прямо сейчас все бросить и отправляться к Ястребу.

Хотя нет, до дома Беласко, где находится портал в доли-

ну, без денег среди ночи не добраться. Так что дежурь, как велено, а дальше посмотрим.

Падре Кресенте обходил жилой корпус, а Лео – учебный, и в галерейке, соединявшей два здания на уровне третьего этажа, они должны пересечься и поменяться местами.

В учебном корпусе было тихо, по ногам сквозило, пахло сыростью, пылью и мастикой, которой натирали полы прямо поверх въевшейся грязи. Только ветер тряс стекла и сонно гудели еле теплые батареи: кого-то директор нашел на замену Дедуле. Днем здесь царил шум, в коридорах звучали голоса, поэтому Лео казалось, что ночное пространство продолжает наполняться отзвуками.

Тонкие волоски на шее встали дыбом, а по загривку и рукам побежали мурашки. Он услышал голоса наяву.

Прислушался. Два голоса – сдержанный юношеский баритон и тоненький, мяукающий шепоток, то ли девчоночий, то ли вообще детский, доносились как раз со стороны перехода в жилой корпус. Говорили невнятно и приглушенно, но эхо летело далеко по коридорам.

Верный учительскому долгу, Лео шел в направлении голосов. Он уже представлял, где полуночники притулились. В самом начале галерейки стояла огромная драцена в квадратной кадке, которую поколения учительниц закармливали чайными спивками до размеров средней финиковой пальмы. Цветок располагался в кадке рядом с ребристой батареей, и можно было прижаться к ней спиной и устроиться с комфор-

том – он так и слышал на днях, кто-то из девочек-первогодок уговаривал подруг пойти посплетничать «под пальму».

Подойдя поближе к галерее, Лео покашлял в надежде согнать полуночников с нагретого места. Послышались: шорох, сдавленное чертыхание и поспешный удаляющийся топоток. Лео свернул в галерейку и постоял, опустив руку с фонариком и дожидаясь, пока все затихнет. Если беглецы не наткнутся на падре, то уйдут от расправы.

В галерее и без фонаря оказалось достаточно светло – чередой не прикрытых шторами больших окон по обе стороны коридора, стекла до половины закрашены белой краской, на белом – отсветы далеких огней. Впереди, за полуколоннами, разделяющими окна, что-то пошевелилось. Падре Кресенте?

Лео поднял фонарь, но тут от подоконника, не замеченная прежде, отделилась высокая фигура.

– Доброй ночи, господин учитель! Что это вы бродите тут в одиночестве?

Нагловатый юношеский баритон, высокий рост, широкие плечи и вспыхнувшие в луче фонарика рыжие волосы – это же Кассий Хольцер, ученик из третьей старшей группы. Лео хорошо его запомнил, потому что тот неуместно возвышался за казавшейся крошечной партой и постоянно задавал вопросы – иногда идиотские, чтобы потянуть время и повеселить класс, а иногда интересные и весьма острые.

– В школе ввели ночные дежурства, разве вы не знаете? – невольно ответил Лео и сразу же разозлился. Это ученик

должен перед ним отчитываться, а не наоборот. – В любом случае, Кассий, находиться ночью вне спален запрещено. Отправляйтесь в кровать немедленно. И ваша спутница тоже зря надеется, что я уйду. Сейчас не время для свиданий.

– Не было никакого свидания, – бессовестно соврал Хольцер, дернув плечом, – я просто вышел... воздухом подышать.

– А разговаривали с кем? – Лео поднял бровь. – С воздухом?

– С котом, – ляпнул Хольцер.

– Кассий, перестаньте валять дурака. В школе нет кошек.

– Есть.

– И спорить со мной прекратите. Бродить ночью по школе запрещено. Пойдемте, я провожу вас в вашу спальню.

– Да я сам дойду, не заблужусь небось. Тюрьма она и есть тюрьма, где тут блудить. Я, знаете, больше года за ворота не выходил, зато внутри все закоулки изучил, с закрытыми глазами дойду.

Кассий повернулся было уходить, но не выдержал и бросил через плечо, передразнивая:

– Идите, Хольцер! В камеру, Хольцер! Немедленно, Хольцер! Или я буду вынужден... кстати, – он повернулся к Лео лицом, раздумав уходить, – что вы сделаете, если я не пойду?

– Давайте не будем доводить до крайностей, – нахмурился Лео, – просто выполняйте школьные правила, они не слишком сложны.

Хольцер фыркнул:

– Куда как проще! Ходить строем, дышать в такт, ночью спать солдатиком и не двигаться. Кто двигается, того на выволочку! Два наряда вне очереди! Драить сортиры! Шарк-шарк! – Парень сгорбился и принялся размахивать рукой, имитируя чистящие движения. – Шарк-шарк зубной щеткой!

– Прекратите паясничать, Кассий.

– Шарк-шарк! И еще хлорки насыпем! А то ведь известно, среди нас зараза малефикарская затаилась, хлоркой ее, хлоркой! Дустом!

– Хольцер! – Лео сжал кулаки. – Заткнитесь немедленно.

– А то что? Отведете к директору?

Лео мучительно хотелось спать, он был раздосадован всеми этими нелепыми обязанностями и, что уж говорить, окончательно разъярился.

– Директор спит. Я отведу вас в карцер. Извольте следовать за мной, господин Хольцер.

– Спешу, роняя тапки. Вы что, правда думаете, что я пойду за вами, как собачка?

Вспомнилось напутствие директора школы: «Вы с ними поостроже, если слабинку почуют – потом дисциплины не ждите. Любыми способами не допускайте панибратства, господин Грис».

Надо было закрыть глаза на нарушение, но это же подростки. Хольцер уже не слушается и не уходит, когда его отпус-

кают. Прямо-таки нарывается на наказание. Лео, ненавидя все сущее, протянул руку и схватил Кассия за рукав болтающейся куртки.

Хольцер отступил, и школьная форма слетела с его плеч. Лео отшвырнул куртку и попытался перехватить запястье наглеца, но куда там! Ловкий простец уклонился и оказался у Лео за спиной. Спеленать бы его винкулюмом¹⁰ – пошел бы как миленький. Побежал бы!

– Ну хорошо, – сквозь зубы выговорил Лео, не желая играть в эти игры, – если вы не пойдете, пойдет ваша подружка.

Он резво повернулся и шагнул туда, где все это время за полуколонной что-то шевелилось и мелькало светлым... ночной рубашкой, что ли?

– Эй, эй...

Сбоку, словно черт из табакерки, возник Хольцер. Лео отшатнулся, споткнулся и налетел на выброшенную вперед руку. В глазах вспыхнул яркий свет, Лео схватился за лицо. По губам потекло что-то теплое, пол под ногами закачался.

– Ой, ё-о-о! – ахнул подросток. – Господин Грис, я не нарочно! Господин Грис!

Лео попытался выпрямиться, но пол все качался, а в глазах теперь было темно.

– Господа, господа! – По коридору к ним спешил падре Кресенте, тоже с фонариком. – Что у вас тут происходит! Лео, вы весь в крови. Кассий, что ты тут делаешь?

---

¹⁰ Винкулюм – заклинание магических уз.

– Недоразумение, – буркнул Лео, вытирая нос рукавом. Потекло сильнее. – Я споткнулся.

Хольцер покаянно топтался рядом, опустив руки и зачем-то повернув их ладонями вперед.

– Лео, идемте в туалет, умоетесь. Да что ж вы рукавом, вот, возьмите платок. Кассий, немедленно отправляйся в спальню!

Юноша, подхватив куртку, испарился. Девушки в ночной рубашке тоже видно не было, как сквозь землю провалилась. А ведь падре шел ей навстречу.

Падре взял Лео под локоть и повел в учебный корпус, в туалетную комнату, по дороге встревоженно расспрашивая. Пришлось сознаться в полном педагогическом провале. Капеллан вздохнул, потом ободряюще похлопал по плечу.

– Вы еще очень молоды, господин Грис. Если уж выбрали педагогическую стезю, то ждут вас самые разные случаи, будьте готовы. Я от этих деточек иногда волком выть готов, хотя назначение свое ни на какое другое не променяю. Умывайтесь, давайте я вам посвечу.

– А лампы включить нельзя?

– Нет, учебное здание на ночь полностью отключено. Хорошо, что воду не отключают.

Вода из проржавевшего крана текла ледяная, свет фонарика выхватывал то окровавленные пальцы, в полутьме казавшиеся черными, то облупленный эмалированный край раковины. Нос распух и начал отвратительно ныть, в голове

гудело.

Замечательно, и как теперь его лечить? Магию использовать нельзя. Что же, ждать, пока само пройдет?

– Мда, завтра у вас будет приличный синяк. Почему-то если удариться носом, то синяк получается под глазом. Я в юности играл в мяч за семинарскую команду, имею представление.

Ударился носом о ладонь Кассия, действительно. Но выдавать парня не хотелось – тот, похоже, напугался и раскаялся. Падре Кресенте смотрел на Лео черными иберийскими глазами и, кажется, видел его насквозь. И даже сочувствовал.

– На уроке тоже не справился: дети увидели в окно, как преподаватель физкультуры спиливает ветку дерева во дворе, вскочили с мест, поднялся шум. Маттео Маллан немедленно завел рассказни о привидении с завязанными глазами. Пришлось на них рявкнуть, – сознался Лео.

– Привидение?

– Ну да, говорит, показало ему выход наружу. Ерунда какая-то. Это как с историями Бьянки Луизы – напридумывают, а потом по ночам спать не могут.

Священник не отвечал и молча разглядывал Лео, очень внимательно. Тот запнулся. Они находились в пустой и гулкой комнате, тьму разгонял лишь слабый лучик. Остро пахло хлоркой и кровью.

– Знаете, про призрак может быть и не рассказни, – холодно подметил падре. – Я недавно видел... в школьной церкви.

– Что? Девочку?

– Я не рассмотрел, было очень темно. Задержался в ризнице допоздна, потом услышал какое-то звяканье, стук. Вышел посмотреть... оно бросилось прочь, маленький силуэт. Похоже на ребенка. Я окликнул – оно на мгновение обернулось, и... у него и правда была повязка на глазах. Словно в жмурки играло. Но, знаете, бегало оно шустрее зрячего.

Спустя полчаса Лео устало тащился на четвертый этаж. Падре вручил ему ключ от двери в холл и решительно отослал спать, сказав, что завершит дежурство сам. Лео не хватило духа отказаться, чувствовал он себя так, как будто его не один раз в нос ударили, а били долго и со вкусом, причем ногами. Болело все, а от холода и недосыпа мир вокруг подрагивал и подозрительно расплывался.

Дома все эти невзгоды можно было бы исцелить движением пальцев. Как? Как простецы выдерживают подобное существование даже не годами – десятилетиями? Постоянный холод, дрянную еду, болезни?

Комната, которую ему предлагали, все еще пустовала. Капеллан сказал, что дверь не заперта – на четвертом этаже

располагались только комнаты учителей и обслуживающего персонала. Вряд ли там оставались вещи предыдущего постояльца, скорее всего, на кровати и матраса не было, но Лео это нисколько не волновало. Упасть бы на горизонтальную поверхность и закрыть глаза.

Он нашел нужную дверь, толкнул, шагнул в темноту. Слева кровать, справа письменный стол, посередине окно – это он помнил. В комнате тоскливо пахло – сыростью, затхлостью. И... еще чем-то, от чего все волосы на теле встали дыбом. Лео задержал дыхание, всматриваясь в темноту.

Синие с багровыми всполохами лохмотья ауры, как пламя газовой горелки, то вспыхивали, то угасали. Аура мертвого тела – умершего в мучениях и отчаянии.

Кто-то совсем недавно страдал в этом помещении, страдал физически, невыносимо, и умер так, как не пожелаешь и врагу.

Лео вздохнул, крепко зажмурился, потом с трудом открыл глаза и осветил фонариком влево.

На кровати, прямо на голой сетке, темной глыбой лежал на спине Рональд Далтон, физрук, Большой Ро, как он предпочитал, чтоб его называли, или Мордач, как его привыкли звать ученики. Стрелявший у Лео вишневые сигариллы и посмеивавшийся над его «бабскими привычками».

Глаза физрука были широко раскрыты, рот разинут, лицо почернело и страшно распухло, а огромные ручки намертво сжались в кулаки.

Лео сглотнул, постоял, опираясь спиной о косяк, закусил губу и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

– Лео Грис. – Инспектор полиции откинулся на спинку директорского кресла и ослабил воротничок. – Второй труп меньше чем за сутки. Интересненько. Чем объясните?

Инспектор носил штатское – мятый коричневый костюм из той же ужасной колючей ткани, что и пиджак Лео. Мягкая серая шляпа лежала на директорском столе.

– Удача моя такая, – буркнул Лео.

Это, похоже, и правда была работа кисмет – фоновой удачи. Найти кошелек или труп – какая разница? И то и другое на дороге... бывает, что и валяется. Однако кошелек найти все же было бы приятнее.

– Интересная у вас удача. Два трупа, у одного размозжена голова, другой умер от асфиксии. Оба случайно найдены вами. А у вас самого перелом носа.

Нос болел и сильно распух. Перелома не было, но дышалось с трудом. Лео скомкал мокрый платок. Раньше ему никогда не приходилось так долго терпеть боль.

– Я же рассказывал. На дежурстве, в темноте, споткнулся

на лестнице и налетел на перила.

– Ну конечно. У перил неплохо поставлен удар справа. Ладно, продолжим. Как долго вы тут работаете?

– Меньше двух недель. Заменяю учителя истории.

– Может, свежим взглядом что-то видели, краем уха слышали? У погибших были какие-нибудь конфликты с другими учителями, персоналом школы? С учениками?

– Да, – вспомнил Лео, – были, точно. Друг с другом. Вчера утром. Падре Кресенте тоже видел.

– В чем состоял конфликт?

– Дедуля... я хотел сказать, Кóнрад Бáкер обвинял Рóнальда Дáлтона в краже какого-то украшения. «Выворачивай карманы» кричал. Далтон убеждал его, что ничего не крал. Все решили, что Бакер пьян, падре уговаривал его идти домой.

– Понятно. И чем закончился конфликт?

– Не знаю. Мы с падре ушли в школу.

– Хорошо. Господин Грис, посидите, пожалуйста, в соседней комнате, вы мне еще понадобится.

Лео вышел из кабинета директора в учительскую, сел там на стул и принялся ждать. Мимо, сопровождаемые полицейским, из кабинета и в кабинет проходили коллеги, обслуживающий персонал: комендант с кастеляншей и даже кухарка с посудомойкой.

Лео ерзал на стуле и нервничал. Как не вовремя все эти убийства, полицейские, бродящие по школе, допросы и по-

дозрения. Пока не найдут убийцу, придется сидеть тише воды, ниже травы.

На теле физрука не обнаружили никаких следов, руки-ноги ему не связывали, горло тоже чистое. Однако Большой Ро умер от остановки дыхания. Инспектор сказал, что его могли задушить подушкой. Интересно, у кого бы хватило на это сил? Куда дели подушку?

О том, что Рональд Далтон мучился перед смертью, Лео не сказал ни слова. Откуда это знать простому историку?

Из долетавших обрывков разговоров – все сотрудники школы после допроса задерживались в учительской и взволнованно делились впечатлениями – Лео узнал, что у Дедули нашли кучу газет, где красным карандашом были обведены объявления от комиссионных и антикварных магазинов, ломбардов и ювелирных мастерских. А отец покойного физкультурника, оказывается, как раз владел ломбардом на Чистопольской. Похоже, и правда существовала какая-то «цацка», которую истопник и физкультурник не поделили. Но убил-то обоих кто-то третий?

Беласко обещал, что у Лео будет достаточно времени, чтобы выполнить задуманное, но школа второй ступени – это школа второй ступени, то есть закрытая система, находящаяся под неусыпным оком Надзора. Чем скорее Лео найдет искомое дитя и уберется отсюда, тем лучше.

Привидение еще это с завязанными глазами. Почему привидение, откуда? Падре Кресенте слышал звяканье – значит,

это не привидение. Они не звякают. Полтергейст, вероятно. Что вполне может указывать на ребенка с даром. Правда, с каких пор полтергейсты стали видимыми? Кто-то из маленького народца? Но они побаиваются появляться в церкви.

Лео прислушивался к голосам, доносящимся из кабинета. Сейчас там, кроме инспектора, находились сам директор, падре и географичка. Ну и всевидящее око Надзора Юлио Дюбо, который сидел с инспектором с самого начала допроса. Время подходило к полудню.

Лео встал, постучал по косяку, сунулся в дверь:

– Господин инспектор, сколько мне еще сидеть? Через десять минут мой урок.

Инспектор – плотный коротконогий мужчина с представительными усами – стоял у маленького столика с писчей машинкой и проглядывал пачку бумаг – протоколы допросов. За машинкой сидел падре и тер ладонями лицо. Глаза у него были красные, как у кролика, а всегда гладкие щеки покрыла синева.

– С вами я еще не разобрался, Грис, – сказал инспектор. – Садитесь здесь, чтобы я вас видел.

Он указал на стул у стены.

– Но я уже пропустил урок утром, – обеспокоился Лео, – и сейчас будет звонок на следующий.

– Сколько господину инспектору понадобится, столько и будете тут сидеть, – буркнул угрюмый директор Фоули. – Хоть до Второго пришествия. Пока не вычислит этого пас-

кудца, который подставил всю школу. И без вас сегодня весь день насмарку, Грис.

Фоули торчал у окна, тяжело опираясь на трость, но садиться не желал – его кресло занял инспектор, а стулья, очевидно, были не достойны поддерживать директорский тыл.

– Тогда давайте я помогу следствию и буду печатать, чтобы без дела не сидеть, – предложил Лео, – я умею быстро печатать. А падре хорошо бы выспаться.

– Я вполне способен продолжать, – слабо возразил падре Кресенте, но было видно, что он утомлен сверх меры.

– Меня все равно не отпускают, падре, – сказал Лео, – я что, буду тут сидеть и на вас любоваться? К тому же вы меня отпустили ночью поспать.

– И чем это закончилось? – Падре покачал головой, но поднялся, уступая место.

У Лео имелись свои причины. После допроса взрослых инспектор взялся допрашивать учеников. Допрос – ситуация неординарная, подростки будут нервничать, и есть шанс заметить что-нибудь, какую-нибудь зацепку, которая поможет напасть на след.

На лбу у ребенка не написано «малефик», и он ничем не отличается от ста девятнадцати обыкновенных детей. Конечно, Дефиниции еще не скоро, и Лео находится в школе меньше двух недель, и потому надеяться решить эту загадку немедленно по меньшей мере глупо. Но чем быстрее он вычислит ребенка, тем лучше. Ребенок может сам не знать, кто

он такой, и случайно обнаружить себя. Юлио усердием не отличается, но если произойдет что-то непозволительное... хм, если уже не произошло.

Подростков по одному вызывали в кабинет директора, где допрашивали по всем правилам – при наблюдателе Надзора Юлио Дюбо и представителях учеников: директоре и географичке.

Вопросы были стандартные: где кто был сегодня ночью, когда и где в последний раз видели физкультурника и истопника, говорили ли с ними, видели ли кого-то или что-то необычное, обычно или необычно вели себя погибшие, были ли конфликты, слышали ли что-то о происшествии?

Из ребят последний раз Большого Ро видели ученики первой младшей группы, после их урока Мордач был свободен. Сам Лео, как и многие преподаватели, видели Рональда в столовой на ужине, а потом Мордач, между прочим, бегал в полицейский участок, и его видел сержант и полицейские, забравшие тело Дедули. Так что спать физрук пошел вместе со всеми. Убийство случилось уже после отбоя, когда Лео и падре ушли на дежурство.

Винсент Газенклевер, долговязый парень из второй старшей группы с лицом, изъеденным прыщами – и ведь никто, даже медсестра, не пытался их вылечить, никого вообще не беспокоило, что у парня язвы на лице, – на вопрос о конфликте неожиданно начал мычать и путаться, и инспектор ловко припер его в угол.

– Так все ж с ним дело имели, господин инспектор! Я что, я как все... ну да, все скидываются, кто сколько наскребет, Дедуле ссыпят, он и принесет, что заказано... ну как что, бухла там или табака... или конфет. Ничего такого! Ну да, я ругался, а кто не ругался? Я ругался, потому что он то вместо нужного дрань какую-нибудь притащит, то сдерет втридорога, то сдачу зажмет и еще права качает... еще и цену накручивает за услуги свои. Пользуется, что мы сами выйти не можем... Все ругались, не только я, господин инспектор! Кто – все? Ну так... Лам ругался из нашей группы. И Кэсс из третьей параллельной. И еще девчонки, я видел, орали на него... да многие ругались, жмот был этот Дедуля и горазд на нас наживаться... я не к тому, что рад, что он помер, господин инспектор, я к тому, что все ругались, и я ругался, и все ругались... кто конкретно? Да я ж сказал, Лам и Кэсс... а! Ламфрен Рогге и Кассий Хольцер...

На фоне этих признаний вчерашняя ссора Мордача и Дедули несколько полиняла. У Конрада Бакера было свое небольшое дело по снабжению учеников разными недозволенными товарами. Откуда, интересно, ученики брали деньги? Может, кому-то родители давали?

Фоули страшно разозлился, обнаружив недопустимую деятельность у себя по носом.

– Ну-ка перечисли всех клиентов истопника, – прошипел он, нависнув над бедным парнем, тот даже голову в плечи вжал, – давай, давай, поименно! Всех, кого знаешь!

– Так я ж сказал...

– Кто еще? Девчонки? Какие девчонки?

– Нан из первой старшей. Ну которая Нантруда Мезьер.

Только я ничего про нее не знаю, может, она просто так с Дедулей ругалась, она со всеми ругается!

Директор с места в карьер принялся вещать, что все дармоеды и бестолочи покатаются по кривой дорожке и загонят его, несчастного Вотана Фоули, между прочим, ветерана войны и почетного гражданина в могилу, а сами – бессмысленные отбросы общества – пойдут работать дворниками, а потом подохнут под забором. И всех их ждет карцер! И он, Вотан Фоули, еще доберется до них, закрутит гайки и задаст всем шороху!

Госпожа Эмилия Ковач заохала, Юлио Дюбо, напротив, отчего-то развеселился и зафыркал в кулак. Инспектор дотянулся до директорского графина с водой, налил себе полстакана и сказал устало:

– Давайте следующего.

Маттео Мэллан, рыхловатый парнишка с печальными, темными, как маслины, глазами сел на стул перед инспектором, шмыгнув носом и мрачно заявил:

– Мордача привидение убило. Он его сук спилил. Оно по этому суку могло уйти, а теперь не может. Теперь оно нас всех убьет.

– Какое еще привидение? – нахмурился инспектор.

– Маленькое. Вот такое. – Парень показал ладонью ярда

полтора от пола, – девочка с повязкой на глазах. Я ее видел. Она раньше могла выйти из школы по ветке дерева, но... – Он оглянулся на директора, но все же продолжил: – Но господин Фоули приказал сук спилить, Мордач спилил, и вот...

– Интересненько, – сказал инспектор и пошевелил усами, – а кроме тебя кто-нибудь привидение видел?

– Э-э... Габ видел. Ну, Габриил Дефо. Ну, он болтал, что видел. И еще Лысая Лу, но она заливает. В смысле, завирается.

– Привидение, говоришь... – Инспектор посмотрел на директора, и тот пожал плечами. – А что скажет Надзор?

– Да эти паршивцы горазды сочинять, – воскликнул Юлио, – вон Лысая Лу... я хотел сказать, Венарди Бьянка Луиза третьего дня всех до смерти привидением напугала. Набила собственную кофту тряпьем, юбку нацепила, башку из платка сделала и повесила на трубе в подвале. Дети тогда оттуда ломанулись с визгом. Я, господин инспектор, как увидел, сразу того... за пушку схватился. Очень уж похоже получилось.

– И Лысую вашу допросим, – пообещал инспектор и прошелся пальцем по списку учеников. – Давайте следующего. Кто там у нас? Э. Райфелл.

После Маттео в кабинет директора вошел Эмери Райфелл, тощий приютский мальчишка из третьей старшей группы. Сразу за ним вперся Кассий Хольцер. Инспектор нахмурился:

– Я сказал по одному.

– Господин инспектор, я Райффеллу переводчиком буду, – заявил Кассий, старательно делая вид, что не замечает Лео. – Он не говорит. Немой то есть. Он говорит знаками, а я умею их читать.

Лео отвел глаза. На Эмери и на нескольких таких же, как он, детей смотреть было... неудобно. Неловко. Даже больно. Дети все-таки не виноваты, что взрослые передрались. Терять семью... врагу не пожелаешь.

– Видел ли ты, Хольцер, или ты, Райффелл, с кем в последнее время контактировал Рональд Далтон? У него были с кем-то дела? Был ли у него с кем-то конфликт?

Эмери пожал плечами.

– Он не знает, – сказал Хольцер, – я тоже.

– У вас был конфликт с Конрадом Бакером? У тебя конкретно, Хольцер, раз уж ты тут.

– Почему сразу я? – возмутился рыжий Хольцер. – Как конфликт, так сразу я. Я один, что ли, хулиган на всю школу?

Лео хмыкнул, и Кассий покосился на него, сверкнув белками глаз. Лео передернул каретку и снова застучал по клавишам.

– Так был у тебя конфликт или нет?

– Бывало, что и поругаемся иногда. – Хольцер пожал плечами. – Господин Бакер, знаете ли, редко бывал трезв.

– Имели ли вы с Конрадом Бакером какие-то дела? Приносил ли он для вас что-нибудь, давали ли вы ему деньги?

Это вопрос к вам обоим.

Райфелл отрицательно качнул головой. Лицо у него было бледное и непроницаемое, губы крепко сжаты, длинная иссиня-черная челка падала на глаза. Он нервно переплетал пальцы. Хольцеру стула не досталось, и он торчал у приятеля за спиной.

– Ну... я иногда просил господина Бакера купить что-нибудь мне. А что, это запрещено?

– Запрещено, – начал снова рычать Фоули, – и ты прекрасно это знаешь, бездельник!

– Господин Фоули, – инспектор поднял ладонь, – давайте отложим воспитательные беседы. Райфелл, когда ты последний раз видел Рональда Далтона?

Эмери поднял руку и пошевелил пальцами.

– Вчера в столовой, – сказал Хольцер, – я тогда же его видел. У нас не было физры вчера.

Допросы займут весь день, а то и вечер. Скоро время обеда, и у незавтракавшего Лео посасывало под ложечкой. Неожиданно он представил, как под давлением инспектора искомое дитя расколется и сознается во всех грехах – вот как этот Газенклевер сознался, – и что тогда делать? А если оно будет таким же хладнокровным и нахальным, как Хольцер, или будет отмалчиваться, как Райфелл, то о нем не узнает вообще никто, включая самого Лео.

Что он, Лео, хотел увидеть, садясь за печатную машинку? Какие такие таинственные знаки, которые не заметят ин-

спектор, Юлио и Фоули?

– Следующего зовите. Б. Л. Венарди.

Вошла Лысая Лу. В дверях они с Хольцером столкнулись локтями, и Лу ожгла его яростным взглядом. Села перед инспектором на стул, одернула юбку, выпрямилась. Скулы у нее пламенели. Уши тоже.

– Бьянка Луиза, будь добра, расскажи, пожалуйста, когда и где в последний раз ты видела Рональда Далтона.

– Вчера, господин инспектор. На последнем уроке. У нас физкультура была.

– Он был спокоен? Вел себя как обычно?

– Он... он... – Лу неожиданно замялась, отвела глаза. – Вроде, как обычно...

– Он – что? Нервничал? Что-то говорил?

Лео поднял голову от листа. Ребята, которых допрашивали раньше, ничего особенного не заметили.

– Я... – Лу принялась теревить край форменного фартука. – Так получилось, я...

– Не бойся, говори, – очень мягко подтолкнул инспектор, – ничего не бойся.

Он наклонился над столом, подался вперед, даже ноздри раздулись, словно учуяли запах тайны.

– Просто я видела у него такую вещь... – Лу облизнула губы и продолжила, запинаясь: – Драгоценную, наверное, с камнями. Браслет. Красивый очень. И большой.

– Ага, – оживился инспектор. – Интересненько.

Фоули, Дюбо и Эмилия Ковач принялись переглядывать-ся.

– Интересненько, – повторил инспектор, – можешь описать этот браслет? Ты рассмотрела его?

Лу кивнула, не поднимая глаз.

– Он такой... похож на браслет для часов, но без часов. Золотой. И белый еще металл. Такой, словно цельный браслет, но на самом деле из кусочков разной формы. Они так плотно друг к другу подогнаны. И еще несколько камней вставлено, голубых и белых. Голубые большие, а белые мелкие, но их много. А на детальках еще всякие знаки, узоры.

– Почему ты решила, что это ценная вещь?

– Красивая очень. И сверкала... прямо сверкала! Даже немножко светилась. Камешки светились, я и увидела. Я б ее и не заметила, но она будто светилась, я ее очень хорошо рассмотрела.

Светилась? Лео нахмурился. Обычно драгоценности сами собой не светятся, если... если не содержат толики абсолюта. А если содержат – это уже не просто драгоценности. Это артефакты.

– Хм... и где ты ее видела?

– В подсобке у Мор... у господина Далтона.

– Пойдем, покажешь, где видела. Прошу прощения, господа.

Инспектор поднялся с директорского места и подал Бьянке знак следовать за ним. Та вышла, встревоженно зыркнув

на Лео.

Отсутствовали они долго, около получаса. Когда вернулись, то Лео сразу понял, что удача им не улыбнулась – загадочную вещицу отыскать не удалось. Впрочем, ничего удивительного.

– Молодой человек, – инспектор обратился к Лео, – дайте синьорите листок бумаги. Бьянка Луиза, вот карандаш. Нарисуешь, что видела?

Лу взяла протянутый лист, пристроила на столе и принялась черкать. Фоули отлепился от окна, чтобы посмотреть поближе. Юлио и Эмилия привстали со своих мест.

Лео выбрался из-за пишущей машинки и тоже шагнул к ним. На листе под карандашом Лысой Лу постепенно появлялся рисунок – крупный, явно крупнее натуральной величины, но удивительно подробный. Она и правда очень хорошо рассмотрела и запомнила украшение.

Треугольники, вписанные в круги – четыре штуки друг за другом, – по верх каждого – по два трилистника, один с ровными лепестками, другой – с раздвоенными. В центре треугольников – по круглому камню, на простых трилистниках – по три ромбовидных. И весь этот узор запакован в широкую полосу, замкнутую в кольцо, как объяснила Лу.

Тут не надо быть артефактором, чтобы увидеть схему – вот источники, вот рабочий контур, вот трансформаторы, вот всякие дополнительные элементы для видоизменения и контроля свойств энергии абсолюта.

Несомненно, артефакт. И не из рядовых. Изящная компоновка, авторский почерк... Лео осторожно поднял глаза и встретился взглядом с Юлио. Вид у того был кислый. Бытовые разборки поссорившихся подельников, хоть и закончившиеся убийствами, неожиданно превратились в преступление государственного масштаба. Теплое местечко Юлио Дюбо затрещало и приготовилось развалиться.

Покрасневшие глаза Вотана Фоули говорили о том же. Не было печали. Какого ляда эта Венарди так хорошо все запомнила?

Что уж говорить про Лео! Полицейские допросы неожиданно стали милы его сердцу, и он готов был сутками сидеть за пишущей машинкой, лишь бы...

– Господа! – взволнованно воскликнула Эмилия Ковач, стиснув у груди руки. – Господа! Это же авторский артефакт! Видите?! Это же авторский артефакт!

Фоули громко скрипнул зубами. Дюбо сморщился, как от боли.

Безмозглая овца! Чтоб тебе пусто было, старая дура, в каждой бочке затычка.

– Вот как? – Инспектор поднял голову. – Вы уверены в этом, госпожа... госпожа...

– Ковач, господин инспектор. Абсолютно уверена. Мой муж – царствие ему небесное! – собирал открытки с великими артефактами и очень много знал про них. Авторские артефакты – это произведения искусства! У больших масте-

ров есть свое лицо, свой стиль. Настоящий специалист вам скажет имя автора, только взглянув на этот рисунок. Я абсолютно уверена, что это бесценная вещь!

Лу, застыв с карандашом в руке, хлопала глазами.

– Миленькая, – сказала ей Ковач, – ты настоящая художница! Эксперты немедленно определяют по твоему рисунку, что это за артефакт и кто его сделал.

– Вот именно, эксперты. – Инспектор, захохотав отодвинутым креслом, поднялся. – Это дело экспертов, господа, а не полиции. Я заберу все материалы и приглашу экспертов. Пока они не приедут, прошу всех оставаться на своих местах. Мои люди проследят.

– Каких экспертов? – голос у Лео сел. – Магнадзор?

– Берите выше, молодой человек. Это дело Инквизиции.

За окном уже смеркалось, а из учительской, куда согнали весь школьный персонал, так никого и не выпустили. Инспектор оставил четырех полицейских – двое сидели здесь же и следили, чтобы никто не переговаривался, а еще двое остались с детьми, которых согнали в спортзал.

Директор Фоули пробовал протестовать, но безуспешно –

полицейские пожимали плечами, приказ, мол.

Пообедали прямо в учительской бутербродами с селедкой и жидким чаем. В туалет выпускали строго по одному и с сопровождением. Зато Лео умудрился немного поспать прямо за столом перед машинкой, уронив голову на скрещенные руки – сил уже не было просто никаких.

Разбудил его от беспокойного и прерывистого сна поднявшийся ропот и стук мебели, в учительской повскакивали со стульев. Лео вздрогнул, вскинулся и обвел директорский кабинет сонным взглядом. Встал и тоже ринулся к окну.

За окном, что выходило на крыльцо школы и широкую Лавровую улицу, остановилась машина. Из тех новых, дорогуших, с артефакторными двигателями, работающими на чистейшем абсолюте. Лео видел их несколько раз – они неслышно катились по улицам, освещая грязь и растрескавшиеся булыжники мостовых голубоватым сиянием переработанного топлива, струящимся из-под колес.

Правда, обычно эти машины были сдержанного серого или черного цвета, госслужбы использовали синий, а эта была алая, даже в сумерках – чистого, яркого киноварного цвета. Двери и капот густо покрывали, наслаиваясь друг на друга, сверкающие золотом печати и сиклы со священными именами.

– Ого... – сказал математик Викториус Монро. – Господь Всемогущий, кого же к нам прислали?

– Кого б там ни прислали, пойду встречать, – с тоской от-

ветил директор, встал и вышел, хлопнув дверью.

От этого хлопка штукатурка посыпалась с потолка, а сон окончательно слетел.

Лео, забывшись, приплющил нос к окну. Тот немедленно отозвался резкой болью. Половину сигил, покрывающих машину, даже он не понимал – охраняющие, запирающие... какие-то неизвестные, что-то вроде зеркального вейла... нет, не разглядеть. Потом стандартные инквизиторские печати чистоты и защиты, а на дверце машины – щит с анаграммой инквизиции: багровая пятилепестковая роза Гибуры и черный крест со вписанной буквой I. Видимо, приехавший дознаватель, кем бы он ни был, очень заботился о своей безопасности, или его начальство заботилось о ценном сотруднике.

Дверь открылась, на мостовую прыгнул охранник в серой шинели Санкта Веритас – собственной инквизиционной гвардии. Обвел пустынную улицу бдительным взглядом – подходить и пялиться на машину с розой и крестом дураков не было.

Следом за охранником выбрался тощий мужчина в такой же форменной шинели. Лео ожидал и на нем увидеть какие-нибудь печати, но мужчина был самый обычный, ростом чуть ниже охранника, смуглолицый, с гладкими черными волосами, собранными в хвост. Похоже, что ибериец, как и падре Кресенте.

Навстречу дознавателю вышел директор Фоули, наспех

накинувший пальто. Краткий разговор, и оба направились внутрь школы, а из машины выбрались еще трое эсвешников и вытащили коробки, а из багажника – чемодан.

Приехало это иберийское пугало к нам навеки поселиться. В суровом простецовом мире даже волшебная удача отсырела и замерзла. Что это они там еще тащат, неужели жаровню?!

Он потер виски ладонями и отошел от окна. Попадаться на глаза инквизитору страшно, а прятаться глупо. Как хорошо, что отличить обученного мага из фейского дома от простеца можно только с помощью дистингера размером со шкаф, сверхточного детища Дагды Гиллеана. Этих машин после войны осталось очень мало, к тому же год назад Дис и ее друзья из Секвор Серпентис уничтожили одну. Но вот подростка, который еще не осознал, кто он есть такой, и не умеющего совладать с собственным канденцием... впрочем, такого и сам Лео бы обнаружил. Ладно, посмотрим, вдруг обойдется.

Через некоторое время в учительской загремели шаги, и в кабинет директора зашел инквизитор, уже снявший серую шинель – под ней оказался темный штатский костюм. В ворота белой рубашки тускло поблескивала широкая полоса металлического украшения вроде гривны, а шейный платок или галстук он не носил. Его сопровождал один из эсвешников, который внимательно оглядел комнату и сразу же встал у двери, ожидая приказаний. Следом вошел мрачный, как

туча, Фоули.

Инквизитор кивнул Лео, видимо приняв того за секретаря, уселся за директорский стол, в то же кресло, где сидел инспектор полиции. Достал из принесенного с собой чемоданчика стопку бумаг.

– Господин Фоули, распорядитесь, чтобы учащихся отпустили по спальням, за исключением Бьянки Луизы Венарди, ее пусть приведут сюда, а ко мне пригласите школьного преподавателя артефакторики.

У инквизитора был тонкий прямой нос, высокий лоб, сжатые в нитку губы и темные, неожиданно густые ресницы, затенявшие угольно-черные глаза. Голос усталый, тихий и без тени акцента.

– Слушаюсь, господин квестор-дознатель!

Не из Иберии, а из Каталуньи, значит. Впрочем, какая разница – гигантский аппарат Инквизиции распространялся на всю Европу, не считая, конечно, Альбиона, зеленого острова Эйрин и империи Аквилон.

Директор ушел исполнять распоряжение.

– Господин Лемман, зайдите, там видеть вас хотят, – слышалось из учительской.

Официальный квестор-дознатель Инквизиции его святейшества Папы Мануэль де Лерида сложил пальцы домиком, утвердил на них четко очерченный подбородок и бесстрастно посмотрел на входящего. Преподаватель артефакторики был бледен, и руки у него мелко подрагивали. Лео

разозлился – какой-то демонов сын, укравший артефакт, заставляет всю школу не спать, не есть, да еще перед Инквизицией приседать. Лично бы поймал и пристукнул!

– Скажите, какими артефактами располагает школа? – поинтересовался инквизитор.

– Господин... э-э-э...

– Де Лерида.

– Г... господин де Лерида... – голос Леммана задрезжал. Простецам, оказывается, тоже при Инквизиции не по себе. – Стандартный учебный набор, разрешенный к использованию ва-вашим ведомством. Плюс у меня самого, если позволите... е-есть небольшая личная коллекция. Для дополнительных уроков, и по роду занятий интересуюсь. Ни... ничего незаконного, конечно же.

Хоть бы сесть предложил.

Инквизитор посмотрел на эсвешника. Молодой кудрявый парень, на рукавах шинели поблескивали нашивки – фасции с маленькими секирами. Ликтор, личный помощник инквизиторского чина.

– Люсьен, пройдите с господином Лемманом и принесите сюда его коллекцию.

Ликтор щелкнул каблуками и вышел вместе со стариком.

– Бьянка Луиза Венарди.

Лео глубоко вздохнул и с силой потер лицо ладонями. Остаток вечера обещал быть очень, очень долгим.

Глава 3

Солнце давно зашло, стемнело. За окном сыпал мокрый снег с дождем, расчерчивая косой сеткой конус желтоватого света над будкой сторожа.

Глухую стену казармы напротив школы не освещало ни одно окно – на эту сторону выходили только темные слуховые под самой крышей. Из форточки дуло. Противно подвывал на улице ветер, а в кабинете директора примерно с такими же интонациями, только в более низком регистре, рыдала Бьянка Луиза Венарди.

Каталунский выходец и квестор-дознаватель Инквизиции мрачно смотрел ей в переносицу и, очевидно, отчаянно жалел, что вообще переступил порог школы. Лео понимал его чувства, потому что Лу концертировала уже больше часа и останавливаться не собиралась. Домой ему сегодня опять не

попасть.

– А еще-о-о! Еще, святой отец!

– Я не рукоположен, – в сотый раз терпеливо повторил инквизитор. На Лу это заявление в сотый раз не произвело никакого впечатления.

– А еще-о! Еще я Галке... То есть Эмери Райффеллу, дала одну карточку, и велела чтоб он в церковь прокрался и в библию падре Кресенте подложил!

– Какую карточку? – безнадежно спросил де Лерида.

– Даму пи-и-ик!

– С какой целью?

– У нас был клу-у-б! Чтоб по вечерам истории рассказывать! Я веду, а все по очереди говорят, что они делают... ну, то есть не они, а их герои... Так поиграть много кто хочет, и мы ввели испы... испытания. А Галка с Рыжим дружит, а Рыжий га-а-ад! Поэтому я ему дала задание посложнее, чтоб не мог исполнить.

– А он все-таки исполнил?

– Да! Я думала, ему слабо-о-о.

– Давайте вернемся к артефакту. Вы утверждаете, что он лежал на столе у... – тут инквизитор заглянул в бумаги, – у Рональда Далтона?

– Ну да... лежал, – протянула девочка, однако в ее голосе Лео расслышал некоторую неуверенность.

– Расскажите, пожалуйста, подробнее. Итак, вы прятались в подсобке около физкультурного зала. Как долго?

– Пока у-урок шел.

– Дверь была закрыта?

– Да-а. А на столе лежало...

– Там есть артефактное или иное освещение?

– Ну... нет. Темно. Лампа в шкафу заперта.

– То есть видеть вы ничего не могли?

Лу пару раз моргнула.

– Он же светился, – сказала она, – камешки светились, и сам будто... ну, сиял.

– Значит, вы вошли в темную подсобку, закрыли за собой дверь и увидели на столе браслет. Он просто лежал на столе?

– Ну... да.

– «Ну» – это значит, не просто лежал?

– Ну... он бумажкой был прикрыт.

Лу забыла про рыдания и явно начала изворачиваться.

– Бумажкой. И что это была за бумажка?

– Я... не рассмотрела. Святой отец!..

– Опишите, пожалуйста, как выглядит подсобка.

– Ну... она такая маленькая, без окна, у дальней стены стол стоит, за которым Мор... господин Далтон сидел иногда. Тогда лампу из шкафа доставал, если надо было писать. Там такие шкафы с мячами и фл... флажками. И с кубками. Только кубков мало, потому что мы никогда ничего не выигрываем. А не выигрываем, потому что...

Тут я и умру под утро, и буду лежать за столом весь обледеневший.

– Сосредоточьтесь на предмете нашей беседы, пожалуйста. Где находился господин Далтон, пока вы были в подсобке?

– Так на уроке же. Я ведь говорила. Он был в спортзале, на уроке, а я не пошла, я... ну... приболела.

– Почему не обратились к медсестре?

Лу залилась краской.

– А она... она говорит, ничего такого... чтобы увиливать. Мол, все пашут, и ты паши...

Инквизитор помолчал, бросил взгляд на Лео. Тот подпирал голову рукой, устало привалившись к стене. На директорском столе стояла коробка с жалкой коллекцией Леммана, которая не представляла никакой угрозы и разочаровала дознавателя своим содержимым. Рядом – рисунок Лу с изображением браслета-артефакта.

– Господин Грис, вы тоже сосредоточьтесь, пожалуйста. Спать нужно ночью.

А сейчас что, по-твоему, чучело ты каталунское!

– Прошу прощения. – Лео встряхнулся и застучал по клавишам.

– Почему вы не пошли на урок, Бьянка Луиза, я понял, – продолжал инквизитор, – но почему выбрали подсобку физкультурника?

– А в раздевалке оставаться нельзя: раздевалку запирают, и из нее выход прямо в зал. – Лу не поднимала глаз. – И в коридоре нельзя: сразу к директору потащат, если кто уви-

дит. Вот я и пошла в подсобку. Перед концом урока вышла бы, никто бы не заметил. Из подсобки слышно, что в зале происходит.

– Понятно. Так вы вошли, и что?

– Там стол такой большой, старый. С такими тумбами. Я ведь уже показывала господину инспектору! Он на столе смотрел и ящики велел вскрыть, только там пусто.

Инквизитор задумчиво покрутил в пальцах самописку.

– Странно, – сказал он, – почему это господин Далтон оставил столь дорогой предмет в незапертом помещении лежащим прямо на столе.

– Так он был бумажкой прикрыт.

– Ах да, бумажкой. А как вы разглядели его под бумажкой?

– Так он светился.

– Странно, что господин Далтон прикрыл светящийся предмет бумажкой и оставил незапертую дверь. Вам не кажется, что здесь что-то не так? Предмет дорогой, драгоценный, вы сами сказали. И вдруг лежит посередине стола, прикрытый бумажкой.

Лу дернула плечом, упорно рассматривая пол.

– Кто угодно может войти и забрать браслет, – гнул свое инквизитор. – Тем более что не видно из зала. Просто взять его со стола, из-под бумажки, и положить в карман. Украсть. Никто бы не заметил. Господин Далтон бы ни за что не догадался, кто это сделал.

там на трубе грелись и в истории играли. А потом, ну...

– Какие удивительные у вас навыки, Бьянка.

– В нашем районе у всех такие навыки, свя... господин инквизитор. – Девушка пожала плечами.

– Итак, вы открыли подсобку, и что?

– И вошла. Там темно, но я помню, где что стоит. Там один стул только, у стола. Я на него села. Ну и сидела-сидела... а потом...

– Что потом?

– Так темно... и я вижу – что-то синенькое светится. Не поняла сперва, откуда. А это... сквозь замочную скважину в ящике стола. Ну я...

– Воспользовались шпильками?

– Да-а... а там он лежит, браслет этот. И светится. Такой красивый!

– Вы брали его в руки? Надевали?

– Да... у него нет замочка, он так чуть раздвигается, можно руку засунуть. И на руке уже обратно сжимается, крепко сидит.

– Ничего не почувствовали? Когда надевали?

– Почувствовала, святой... господин инквизитор! Он... он знаете какой? Вот смотришь на него – а в голове словно кто-то нежным голосом шепчет... слов не разобрать, но словно уговаривает себе оставить. И весь мерцает красиво, переливается. Но я его обратно положила. То есть... хотела положить...

– И что вам помешало?

Личико Лу сморщилось, Лео подумал, что она опять заплачет, но нет. Она вдохнула-выдохнула и сказала:

– Мордач... в смысле, господин Далтон. Пришел.

– И обнаружил вас с браслетом?

Она кивнула.

– Прямо посреди урока пришел. Он сразу понял, что... Я думала, он меня убьет. А он так спокойно дверь запер, достал лампу и включил. И смотрит. – Лу помолчала, облизнула губы. – А потом говорит: «Закричишь – заявлю, что ты воровка».

– Хм. – Инквизитор нахмурился и потрогал гривну у себя на шее. – Бьянка Луиза, если вам трудно рассказывать, я попрошу господина Грису выйти.

– Нет, – она мельком взглянула на Лео, – не трудно. Мне стыдится нечего. Я браслета не крада, а господин Далтон... ну он думал, что я в углу, деваться мне некуда, а я не принцесса на горошине. У меня это... навыки. Коленом – куда надо, на стол запрыгнула – и бежать. Щеколду сорвала просто. – Лу покрутила в пальцах пустой стакан. – Думала, он настучит директору... что воровка и прогульщица... А он вон как...

– Понятно, – покивал инквизитор. – Спасибо. Кое-что прояснилось. Небольшое уточнение, и я вас отпущу, Бьянка. Вы сказали – артефакт будто бы уговаривал оставить себя у вас, так? Вы чувствовали желание забрать браслет себе?

– Чувствовала. Только не собиралась оставлять. Я его уже сняла, когда Мордач вошел.

– Насколько сильное желание было?

– Да уж сильное!

– Но вы его побороли. Сможете объяснить, как?

– Ну как же... нехорошо же это. Я ведь... – Она отвела глаза, но продолжила решительно: – Я ведь уже скрыла у падре Кресенте на исповеди. Про карточку и про то, что Галку в церковь подсылала, чтоб он вещи падре трогал. Если бы я браслет взяла – это бы воровство получилось, грех. Что, опять врать на исповеди? Я и так измучилась из-за карточки. Как мне падре в глаза смотреть? Нет уж, помилуйте. – Ресницы у Лу вновь намокли, она закинула голову и уставилась в потолок. Сглотнула и закончила хрипло: – Если вы не хотите меня исповедовать, господин инквизитор, так я к падре схожу, – и совсем упавшим шепотом, – хоть и стыдно-о-о...

– Я уже сказал, что не рукоположен, – машинально повторил инквизитор, но в его взгляде появилась даже некоторая теплота. – Бьянка, вы очень хорошо сделали, что сейчас все рассказали и что отказались взять чужую вещь, избежав страшного искушения. Уверен, падре внимательно выслушает вас и не наложит слишком тяжелую епитимью.

– Спа... сибо. Можно я уже пойду?

– Да, идите, конечно. Скажите только, вы кому-нибудь говорили о драгоценности? До того, как вы рассказали о ней инспектору?

– Нет. – Слезы все-таки пролились, и Лу сердито вытерла их рукавом. – Я б никому не сказала, если б Мордач... ну, если б его не убили. Из-за браслета убили, господин инквизитор, истинное слово. Он сам бы меня убил, если б дотянулся...

Лу вышла, высоко подняв голову, полная внутреннего достоинства. Лео задумчиво смотрел ей вслед.

– Какая необычная девочка! – Инквизитор тоже смотрел на закрывшуюся дверь. Он перевел взгляд на ликтора, застывшего рядом. – Люсьен, на сегодня вы свободны. Завтра утром, пожалуйста, съездите в Библиотеку, запросите там книги по этому списку и еще монографию Анри де Руйтера «Ars artefactorica» со всеми дополнениями. И общий каталог артефактов.

– Господин де Лерида, весь?!

– Конечно, весь. Доброй ночи. Завтра жду.

Некоторое время инквизитор сидел молча, глядя перед собой и постукивая по столу тупым концом карандаша.

– А что скажете, господин Грис, – перевел он взгляд на Лео, – дети тут не из слишком благополучных семей? Как у вас в школе с воровством?

– Я не так давно тут работаю. Вторую неделю. Про воровство не слышал ничего. Артефакт, получается, непростой? Уговаривал себя украсть!

– Такой артефакт, – инквизитор кивнул на рисунок Лу, –

простым быть не может. Но вот то, о чем синьорита Венарди рассказывала, – не встроенное его свойство. Боюсь, он еще и зачарован.

– Магическое воздействие?

– Оно самое. А ведь это вы, господин Грис, обнаружили трупы, так? И первый, и второй. Совершенно случайно.

– Абсолютно. – Лео посмотрел на поднявшего бровь инквизитора самым честным взглядом, каким только мог. – Понимаю, что звучит дико, но так оно и было. Мало того, я был свидетелем ссоры Конрада Бакера и Рональда Далтона. Ссору еще наблюдал наш падре, а... тела я нашел один.

Спасибо еще, не я обнаружил браслет в столе у физкультурника! То-то было бы здорово.

– Повезло вам. Мне, впрочем, тоже – почти все важные свидетели в одном лице, да еще и под рукой. И Венарди вам в компанию.

– Надеюсь, свидетели кроме нас еще найдутся. – Лео захохотился.

Неприятно это все прозвучало.

В кабинет Фоули вошли четверо эсвешников, обыскивавших школу. Обыск результатов не дал, никаких особенных артефактов обнаружено не было. Однако квестор-дознаватель не слишком удивился.

– Вы свободны, господа. Сегодня мне больше ничего не понадобится. А вы, господин Грис, проведите меня по школе. Придется самому поискать наш артефакт.

Кому ж еще водить инквизитора по двум четырехэтажным корпусам, мастерским, подвалам, чердакам и прочим закоулкам, как не закамуфлированному магу. Лео и сегодня домой не добратся.

Однако инквизитор просто прошелся по этажам, не заходя в комнаты и аудитории, а Лео таскался следом, изредка отвечая, куда ведет та или иная лестница. Может быть, у Инквизиции имелись свои методы обнаружения артефактов, но, по мнению Лео, обыск этот был поверхностный и несерьезный.

– А может случиться, что артефакт уже не в школе?

– Два артефакта. – Инквизитор остановился и подождал, когда Лео подойдет. – Далтон убит с помощью парализующего артефакта, такие были на вооружении у наших спецвойск во время войны. Полный заряд, паралич диафрагмы.

– Гадость какая, – сказал Лео устало.

– Да, неприятно. Но я смотрю, вы тоже уже труп напоминаете, господин Грис. Покажите мне мою комнату и отправляйтесь спать.

– А вас где поселили? – Лео даже оживился немного, чувствуя, что конец мучениям близок.

– В комнате номер три вроде бы. Господин Фоули сказал, что мои вещи туда отнесут.

– В третью? Так там же сегодня...

– Что? Человека убили? Это неважно. Я не боюсь мертвых, господин Грис. Чистая постель и относительное тепло

меня вполне устроят.

Инквизитор стоял напротив Лео, ниже его на два пальца, тощий, узкоплечий, собранный, без признаков усталости или раздражения. Казалось, он мог рыскать по этажам еще несколько суток подряд, без сна и еды, размеренно и неумолимо. Лео стало жутко.

– Маловато времени было, чтобы вынести артефакты наружу. – Инквизитор поднес руку к горлу и потрогал свой ошейник. – Между убийством Далтона и обнаружением тела прошло не больше часа. И не больше получаса до того, как приехали полицейские. Но вы, господин Грис, пожалуйста, вспомните на досуге, кого вы видели и кого не видели в этот промежуток. Завтра можете прийти к десяти, я пойду на утреннюю мессу и после буду готов работать до вечера.

– Господин де Лерида! Так завтра же воскресенье, выходной...

Инквизитор посмотрел на Лео непроницаемым взглядом. Невозможно было понять, что скрывается за этими темными глазами.

– Действительно, воскресенье, – ответил он наконец. – Поэтому я вас не рано вызываю. Приходите к десяти.

Под козырьком запертого магазина собралась толпа – ждали трамвая. Лео, перепрыгивая лужи, нырнул под крышу, под бахрому летящих с края капель. К вечеру немного потеплело, и снег с дождем превратился в дождь.

Простецы неохотно уплотнились, впуская его в свой круг. В основном тут были мелкие клерки, работники складов, мастерских и трамвайного депо, продавцы из лавок и маленьких магазинов, официантки, работницы ближайших ателье и прачечных – вся та серая масса, что ежедневно утром и вечером наполняет городские тротуары.

По окончании рабочего дня серая масса набивается в трамвай, который тут называют «Драконом», и едет домой.

Унылое зрелище! Бесцветные усталые лица, плохая одежда, глаза, как у рыб. Лео старался никого не касаться, но это было не так просто. Тетка, стоящая рядом, не могла сладить со сломанным зонтом: он не закрывался, тыкал Лео спицами,

с него текла вода на уже промокшие ботинки. Своего зонта он так и не завел, а поставить привычный дефэнсор или хотя бы сделать свое пальто водоотталкивающим не мог: в городе повсюду понатыканы детекторы, да и обещание, данное Белому Льву, – не пустой звук.

Расселина улицы была темна, только горели редкие окна в домах напротив да блестели рельсы, дугой уходящие по бульвару. Голые ветви метались, скребли по козырьку, из водосточной трубы на углу магазина извергался пенный поток. Раскачивался фонарь на растяжке, освещая висящую на тех же проводах табличку с трамвайными номерами.

Каждый день утром и вечером пейзаж дополняли простецы. В снег, в слякоть, в жару, в любую погоду спешили на службу, чтобы два раза в месяц получать тощую пачку бумажек – денежных купюр и талонов на продукты и промтовары. На мыло и сахар. На муку и маргарин. На керосин, кубики низкокачественного абсолюта и торфяные брикеты. На дешевую рабочую одежду, уродливую обувь и все эти скудные блага, которые предоставляет официальное рабочее место в столице. Как живут люди в мелких городах и деревнях, даже представить страшно.

При оформлении Лео тоже выдали пачку талонов. Денег он еще не заработал, а талоны получил сразу. Комендант вручил ему пакет, где лежали два липких кубика плохо очищенного прессованного абсолюта в пергаментной бумажке – один такой кубик вставляют в дешевые артефакты вроде ра-

диоприемника, фонарика, будильника или зажигалки, а два кубика заставят работать паяльную лампу или артефакторный пробойник. Еще в пакете было жесткое вафельное полотенце, кусок мыла и пара войлочных стелек. Лео отказался от предоставленной комнаты – на тот момент не смог справиться с брезгливостью. Теперь жалел, честно говоря.

Оказалось, что миссия по поиску и спасению новых граждан молодого магического государства предполагала не просто храбрость и верность идеалам. Оказалось, во время задания нельзя использовать способности, нельзя касаться собственного дара, никакой волшеббы – совсем, абсолютно. Оказалось, придется жить так, как жил бы настоящий учитель истории, вчерашний студент, пусть из аристократической семьи и закончивший престижный университет, однако сильно разошедшийся с родителями в планах на свою дальнейшую жизнь и теперь предоставленный только самому себе.

Если у него еще и оставались вишневые сигариллы в серебряном портсигаре и какой-никакой внешний лоск – модельная, но уже отросшая стрижка, носовые платки, пара дорогих рубашек, – то все остальное, включая финансы, было точь-в-точь как у молодого простеца, не имеющего за душой ничего, кроме диплома Венетского Королевского Университета. То, что Лео видел вокруг, – нищета, убогое мучительное прозябание. Ему и самому пришлось окунуться в нищету.

Сам напросился, подумал он. Тебя никто не заставлял,

Лео Цинис-Гавилан, кровь от крови феи Мелиор из башни Ястреба. Чтобы разобщенные, жестоко прореженные магические семьи воспряли, объединились в могучее государство, первое и единственное в истории государство магов, чтобы носители дара никогда больше не убивали друг друга, чтобы встали плечом к плечу против общих врагов – ради этого Лео готов был на любые испытания.

Государство защищает своих граждан. Именно поэтому Лео здесь. Здесь, чтобы отыскивать и спасать новых граждан Магистерия. Пусть они родились среди простецов – сейчас не время выбирать. Они все нам нужны, кто бы что ни говорил.

Испокон веку простецы-малефики принимали на себя первый удар ненависти и преследований, и защитить их было некому. И если к магам, живущим в городах, соседи относились с почтением и уважением, хоть и побаивались, то собственных детей с открывшимся даром считали выродками.

Маги старых династий презирали их, простые люди – боялись и ненавидели. Их всегда было слишком мало, чтобы объединиться. Выжившие – бесправные и гонимые – уходили в криминал, в подполье. Ужасная судьба, если подумать.

Но все меняется. Сейчас Магический Надзор взял это дело в свои руки, вычисляя и изолируя тех, на кого укажет дистингер. Простецкое государство ничего жестокого над ними якобы не учиняло и даже приобщило к какому-то полезному для общества занятию, однако в семьи они не возвращались

и дальнейшие их судьбы умалчивались. Коллеги Лео подобных разговоров не поддерживали, а спрашивать напрямую он опасался. Тему эту окружали страх, молчание и подозрительность.

Все меняется. Когда-то Красный Лев, начиная свой опус магнум – строительство Магистерия – и помыслить не мог, что магам пригодятся их младшие презируемые братья: профаны, неучи и дикари. Никто об этом помыслить не мог, это была исключительно идея Лео, которую даже Беласко, Белый Лев, принял без восторга. Ну хоть не препятствовал. Проинструировал и обещал помощь.

Теперь грех сдавать назад. Лео опоздал со своими идеями – но это не значит, что он ничего не сможет сделать. Еще как может!

Из тьмы и дождя вынырнули два золотых огня, по рельсам масляно мазнул свет, летящие капли засияли. С треньканьем и перестуком подъехал «Дракон» – два сцепленных вагона, лаково-красных днем, а сейчас темных, будто смолой облитых. Каждый украшен бронзовыми драконьими головами, тупой нос под кабиной машиниста оборудован железной решеткой, торчащей вперед подобно бороде. Двери раскрылись, толпа из-под крыши разом хлынула на середину улицы, под дождь, торопясь пролезть внутрь.

Внутри тоже было несвободно. Лео протиснулся к сомкнутым противоположным дверям, спустился на ступень, где и остался стоять, прижатый к запотевшим стеклам чужи-

ми спинами и животами. Трамвай звякнул, качнулся и тронулся.

В центре каждого вагона стояло по небольшой пожаробезопасной печке, питавшейся все тем же неочищенным абсолют, но пробраться туда Лео еще ни разу не удалось. Печки согревали слабенько, пассажиры ворчали, что раньше-де их включали на полную мощность, а теперь все экономят на рабочем люде, все крадут, а что не крадут, то урезать нороят. Но внутри вагонов было гораздо теплее.

Сквозь толпу продралась кондуктор, с огромной сумкой из искусственной кожи, увешанная бумажными рулончиками.

– Оплачиваем проезд! Не зеваем! Оплачиваем проезд!

Голос у нее был сорванный, как у вороны. Лео выгреб из кармана мелочь и приобрел обрывок бумажной ленты с циферками. Его требовалось сохранить до конца поездки.

– Эй, в кепке! – Кондукторша шустро проталкивалась дальше. – Ты чего отворачиваешься? Чего морду-то воротить? Плати давай за проезд, я тут каждого помню, кто заплатил, ты на Лавровой вошел!

Нельзя сказать, что у Лео совсем не было опыта жизни среди простецов: как-никак он закончил магистратуру в Королевском Университете, получил диплом историка – для миссий во благо Магистерия требовались не только документы об образовании, которые можно было подделать, но и практические знания, умение ориентироваться в человече-

ском социуме, общаться с простецами так, чтобы не выдать себя. Такие навыки никакой магией не создашь.

Лео думал, что хорошо подготовился, но это было не так. Есть большая разница между учебой в одном из самых престижных вузов империи вместе с элитой и жизнью в рабочих районах города.

Профессора и академики жили очень неплохо. Из окон Университета не видно было, с каким трудом и как медленно город вытаскивает себя из войны, в какой скудости и серости живет и как на самом деле закрутили гайки Инквизиция и Магический Надзор.

– Мост Герцогини Аннабель! – каркнула кондукторша где-то в гуще пассажиров. – Следующая – площадь Полнолуния и Северный вокзал! Кто выходит, поторопитесь!

Забренчали, зазвякали колокольчики, трамвай остановился. Задвигались рабочие массы, стало немного свободнее. Лео смог отлепиться от затянутого конденсатом стекла.

Инквизитор. В самых худших предположениях ни Лео, ни Беласко и помыслить не могли, что придется работать бок о бок с инквизитором. Одна надежда, что тот быстро найдет артефакт и убийцу и уберется из школы поскорее. Лео с радостью помог бы ему – если бы хоть что-то понимал в расследованиях.

Но если этот каталунец унюхает своим хищным носом ведьму среди учеников, то никакое следствие не отвлечет его от охоты. И, в отличие от Лео, инквизитор может весь класс

прогнать через дистингер, не дожидаясь Дефиниций, если хотя бы заподозрит что-нибудь. Да что там говорить, он и самого Лео может раскусить, если заинтересуется. А он точно будет копать, кто таков этот Лео Грис, устроившийся в школу за две недели до убийств и умудрившийся засветиться, оба раза обнаружив тела.

С Лео Грисом все гладко, даже Инквизиция не докопается. У семейства Грис, Марсельских фабрикантов и владельцев обширной сети парфюмерных магазинов, действительно одного из сыновей зовут Леон. То, что семейство это является потомственными фактотумами¹¹ семьи Гавилан, личными доверенными слугами магов, никто не пронюхал даже во время войны. А в последние годы они никак не были задействованы. Два года личного студенчества Лео в Королевском Университете тоже очень украшают легенду. Так что если только сам Лео не проколется...

– Площадь Полнолуния, Северный вокзал! Следующая остановка – квартал Сиреневый!

Лео, хватаясь за свисающие кожаные петли, начал пробираться к выходу. Трамвай шел по окраинам старой столицы, которые так и остались окраинами, когда центр города переместился в сторону Артемизии, летней королевской резиденции. Теперь Артемизией называлась вся новая столица. Через мост Герцогини Аннабель проложили ветку к новому

---

¹¹ Фактотум – обычные люди, связанные вассальными или любыми другими договорами с магами.

центру, но туда ходит другой трамвай, который так и прозвали «Аннабель» из-за медальонов с женским профилем, украшающих красные лаковые бока. А «Дракон» как возил рабочий люд по окраинам, так и до сих пор возит.

Лео вместе с парой десятков пассажиров выбрался из теплого нутра «Дракона» в сырую тьму. Дождь, слава Ястребу, закончился, только с проводов и черных веток время от времени капало. Вокруг желтых фонарей образовались кольца туманного сияния, в воздухе висела морось.

Глава 4

Лео шагал вдоль путей, стараясь не наступать в лужи, под которыми скрывались ямы. Здесь брусчатка была совсем разбита, и только вдоль рельс ее латали и подсыпали в выбоины гравий. Обочины утопали в грязи, и тротуары отсутствовали.

Лео очередной раз пожалел, что легкомысленно отказался от комнаты на четвертом этаже интерната. Живи он там, физкультурника убили бы в другом месте, а может, и не тронули бы вовсе. Хотя... если Лысая Лу не солгала, то все равно бы убили. Но где-нибудь в другом помещении. И инквизитор бы его комнату не занял. Поселился бы где-нибудь еще, хоть у Фоули в кабинете.

Инквизитору де Лериде, может, все равно, что на его постели мучился и задыхался человек, но Лео вряд ли уснет,

даже если заставит себя лечь на эту кровать. А ведь он хотел через месяц попроситься в интернат, потому что снимать квартиру слишком дорого, а учителям все равно положено питание и проживание в стенах школы... эх, теперь уж нет, калачом не заманишь. Комнату очищать надо на всех слоях, да и то...

Лео свернул в безымянный переулок, где было совсем темно. Фонари тут не горели – местные жители разбили или украли лампы. Только редкие полоски света из-за ставен расчерчивали тьму. Под подошвами чавкало, Лео споткнулся и выругался, почувствовав, как влага просачивается в ботинки.

Клерк из агентства по найму убеждал Лео, что Сиреневый Квартал – район небогатый, но далеко не трущобы. Переулки вокруг школы мало отличались от здешних. Хотя тут все равно мрачнее...

Достав из кармана зажигалку, Лео чиркнул кремешком – огонек на мгновение вспыхнул и погас. Последующие чирканья вызывали только снопы искр, абсолют в зажигалке иссяк. Зажигалки все же не предназначены для того, чтобы ими освещали дорогу. Надо, наконец, фонарик завести. И зонт.

Лео остановился. Поморгал, перестраивая зрение. Раньше он этого себе не позволял, но раньше зажигалка работала. Влезть по щиколотку в грязь и испортить штиблеты и брюки очень не хотелось.

Темнота выцвела, стали видны контуры улицы, стены до-

мов. Небо, стиснутое крышами, превратилось в белесый зигзаг.

Избыток канденция все равно требуется куда-то стравливать, совсем перекрыть его – все равно что перестать дышать. Слава феям, избыток и манипуляции с ним не фиксировались детекторами, работу с избытком отслеживали только пресловутые дистингеры, спасибо за них дорогому Дагде Гиллеану.

Как правило, маги подпитывали этим избытком какое-нибудь фоновое заклинание, очень часто это заклинание шарма. Канденций Лео подпитывал кисмет – фоновую удачу. Но сейчас Лео перераспределил часть, улучшив ночное зрение. Удача – это хорошо, но хватит уже на сегодня редких и необычных находок.

Перепрыгнув очередную лужу, Лео ступил в подворотню и остановился. Впереди, у арки, что открывалась во двор, серая на сером, маячила фигура. Крохотный алый огонек тлел у ее рта. Человек подпирал стену, но на шаги Лео вострепнулся и выпрямился, прислушиваясь.

«Бездна!» – выругался про себя Лео. Проскользнуть мимо не получится – во двор нет другой дороги. Вечно тут толкутся местные люмпены в надежде пожить. И ведь хватало крохотной толики удачи с ними не встречаться!

– Закурить не найдется? – хрипло поинтересовались сзади.

Вспыхнул фонарик – курильщик направил луч на Лео, и

тот зажмурился, закрываясь рукой.

– Ишь ты, какой чистенький, – сказали сзади, – так поделишься папироской?

– Опустите фонарь. – Яркий свет жег глаза даже сквозь пальцы. – Поделюсь, отчего не поделиться.

Луч света переместился на стену в разводах плесени. Лео окружили четверо простецов: двое парней его возраста, двое помладше, видимо, едва прошедшие Дефиниции.

– На всех не хватит, – предупредил Лео, доставая из кармана серебряный портсигар.

– Дай-ка. – Парень с фонариком выхватил портсигар, раскрыл и хмыкнул. – Ишь ты, пижонские папироски. Пахнут, как пирожные!

– Дай нюхнуть, – потянулся стоящий справа.

Парень с фонариком вытащил зубами сигариллу и отдал портсигар приятелю. Столпившись над добычей, молодые простецы быстро расхватили сигариллы и пустили по рукам зажигалку. Тот, кто просил закурить, повертел опустевший портсигар.

– Красивая штучка. Серебряная, с узорчиками. Годится. Защелкнул и положил в карман.

– Эй, – возмутился Лео, – это мой портсигар!

– Мне ж курица не досталось, – ухмыльнулся парень в редкие усики, – ты друганов моих угостил, а я как же? Мне без гостинчика уйти? Я ж плакать буду!

Парни заржали. Лео пожал плечами:

– Ладно, бери, если он тебе понравился. Только не плачь, сырости и так хватает.

Насколько опасна ситуация, думал он, пока грабители искренне веселились. Есть ли угроза жизни? Пора ли применить что-нибудь посерьезнее слов или еще рано?

– Ну, потешил, пижон. – Простец с усиками похлопал его по плечу. – Люблю, когда у людей чувство юмора есть. Давай, вытряхивай карманы, и разойдемся по-мирному.

– А если не вытряхну?

– Лучше вытряхивай, – петушиным голосом выкрикнул один из подростков, – а то ж мы тебя так пощекочем – сам из штанов выпрыгнешь!

Сделал движение рукой, и на пальцах у него крутнулся нож.

– Зарежете, если не вытряхну? – уточнил Лео.

– Крысь, ну ты что, правда. – Усатый покачал головой. – Что ты сразу шалить. Мы тут интеллигентно разговариваем, по понятиям. Крысь у нас немножко нервный, – объяснил он Лео, – и нетерпеливый. Все ему сразу вынь да положь.

– Я, честно говоря, тоже не расположен к беседе, – сказал Лео, – поэтому и спрашиваю. Если я не выверну карманы, то что вы предпримете? Убьете меня?

– Он издевается! – взвизгнул Крысь.

– Погоди, Крысь. И нож свой убери. Слушай сюда, пижон. Убивать мы тебя не будем, мы же не мокрушники. Но отметим знатно, мордаху твою смазливую начистим. Сам смот-

ри, надо ли тебе портрет перекроить, чтоб с бабками расстаться, или так отдашь?

– То есть в любом случае деньги вы заберете. – Лео вздохнул. Несколько крон из его кошелька не стоили разбитого лица и сломанного носа: нос и так еле держался. – Хорошо, тогда забирайте. Это все, других денег нет.

Он достал из внутреннего кармана портмоне, раскрыл его и вытащил тонкую пачку банкнот – все, что осталось от денег, выданных Беласко до первой зарплаты. Ничего, переживу. Угрозы жизни нет, а вот угроза зубам, глазам и носу есть.

– Негусто, – разочаровался усатый.

– И кошелечек давай, – сварливо потребовал парень с фонариком, – новый, кожаный, денег стоит. Откуда у тебя такие вещи, пацанчик? Может, и ботинки с тебя снять?

Посветил фонариком вниз, на забрызганные водой брюки Лео.

– Не, ботинки хреновые, – подытожил усатый, – к тому же расклеились вон. Ладно, гуляй, свободен. Потрошить не будем, раз ты такой понятливый. Не попадайся больше.

– Я живу тут, – сказал Лео, – вот прямо тут, за аркой подъезд.

– А-а, ну, тогда до встречи. Считай, купил себе проход на месяц.

Лео не слишком расстроился. Если будет совсем туго, он попросит денег у Дис. А немного мелочи на трамвай у него в кармане осталось. Хотя портсигара, подарка приятеля-од-

нокашника, все же было жалко.

В темном, как пропасть, подъезде воняло застоявшимся табачным дымом и прогорклой тухлятиной – у здешних жильцов была омерзительная привычка выставлять мусорные ведра на лестничную клетку, и без того заляпанную бо знает чем. Слабенький свет пробивался из полуоткрытой двери в техническое помещение, где стоял единственный на весь подъезд бойлер. Днем тут всегда толпились женщины и крутились дети, но сейчас никого уже не было.

Откуда-то сверху доносилась музыка – жильцы любили врубить радио на полную мощность. Ночное видение Лео пока оставил, чтобы не влететь в чужое мусорное ведро и не хвататься за липкие перила. Не забыть бы купить фонарик... бездна, на что же теперь его купить?

На третьем этаже в дверях распахнутой квартиры стоял сосед и курил, стряхивая пепел мимо ведра. Желтенький свет из комнаты обрисовывал его громоздкую фигуру, поблескивал на ранней лысине. У него был широченный щетинистый подбородок и цепкий холодный взгляд.

Заметив Лео, он расплылся в щербатой улыбке – двух зубов справа не хватало.

– Доброго вечерочка!

– И вам добрый вечер, – вежливо ответил Лео.

Сосед ему не нравился. Очень не нравился, до оторопи, хотя ничего плохого Лео от него не видел. Но и утром, и вечером этот тип торчал в дверях своей квартиры, курил и здо-

ровался. И смотрел на него взглядом аллигатора при этом. Особенно неприятно было поворачиваться к нему спиной, чтобы подняться на свой этаж. Лео стиснул зубы и прошел мимо, чувствуя, как на загривке у него поднялись дыбом все волосы.

Еще один пролет – и пятый этаж, под самой крышей, где всего две квартиры. Одна пустая, другая – квартира Лео.

Состояла она из одной комнаты, где едва помещалась кровать с железной сеткой, стол, стул и раковина с латунным краном. Туалет был общий с соседней квартирой, но так как она пустовала, Лео мог пользоваться им единолично.

Он зажег тусклую лампу, развесил на спинке стула тяжелое от влаги пальто, разулся и, стоя в мокрых носках, осмотрел штиблеты. Неужели расклеились, как сказал грабитель? Налипшая грязь мешала что-либо разглядеть. Лео повернул вентиль крана, но из недр донеслось только перханье и сип – воду опять отключили. Ее часто отключали на ночь и в середине дня. Внизу вода должна быть, и неплохо бы наполнить кипятком чайник, выпить горяченького... Лео пошарил в карманах в поисках монетки. До школы можно и пешком дойти, если встать пораньше.

Он снова обулся – ух и мерзко же натягивать мокрую обувь на замерзшие мокрые ноги! – подхватил пустой чайник и только взялся за ручку двери, как снизу донесся женский вопль.

Лео уже слышал крики, ругань и грохот за стенами – сосе-

ди часто ссорились, но делали они это за закрытыми дверями. Сегодня крики раздавались с лестницы, и Лео, поморщившись, подумал, стоит ли идти в разгар скандала? Это жизнь простецов, она не имеет к нему никакого отношения. Он тут вынужденно, временно, и вообще скоро съедет... еще этот, с третьего, так и торчит небось в дверях, бр-р-р!

Лео решительно вернулся в комнату и поставил пустой чайник на холодный примус. Что стоило быть немного предусмотрительнее и с утра налить в чайник воды? Знал же, что вечером воду отключают!

Бездна с ним, с кипятком. Можно и так согреться. Если повесить на пару-тройку градусов температуру в комнате, то и знобить перестанет, и одежда к утру подсохнет. Избытка канденция как раз на это хватит... все равно же его надо куда-то употребить! А удачи на сегодня уже достаточно. Хватит на сегодня удачи.

Женщина в подъезде продолжала вопить, слышались удары – кто-то ломился к соседям. Загомонили встревоженные голоса. Да что там такое?

Лео неуверенно подошел к выходу – и тут в дверь заколотили.

– Откройте! Откройте, пожалуйста, Христом-богом молю!

Если бы снаружи ругались и требовали, Лео бы не открыл. Но на мольбы все же отпер:

– Что случилось?

– Родненький, миленький, Ветка моя помирает, одолжи сколько можешь, к доктору побегу!

Маленькая тощая женщина в халате кинулась через порог и вцепилась Лео в лацканы пиджака. Серое одутловатое лицо, вокруг глаз черные и голубые пятна косметики. Косынка на голове сбилась, из-под нее виднелось что-то странное – ряды бигудей и накрученные на них блеклые волосы. Женщина пахла жареным луком и перегаром. Лео попятился.

– Родненький! – вопила она, дергая пиджак. – Не оставь, умоляю, век в долгу у тебя буду, с получки все-все верну! Христом-богом! Не на беленькую, нет, клянусь! На доктора! Ветка моя...

– У меня нет денег, – сказал Лео, – честное слово, ни кроны.

– Нету? Нету?! – Женщина отцепилась, уронила руки и привалилась к косяку, лицо ее сморщилось. – О господи... о господи, что же делать, помрет же девка... никто не дает! Ведь помрет же...

– Зачем деньги?

– «Зачем»! – передразнила женщина, скорчив гримасу. – «Зачем», – он спрашивает! Доктору, чтоб ему пусто было! Не пойдет, сволочь старая, без денег! В долг, скотина, не ходит! Слушай, – она снова умоляюще вскинулась, – может, все-таки поищешь? Может, заначка у тебя где-нибудь припрятана? Может, вещичка какая дорогая есть: доктору под залог отдадим, а с получки я выкуплю... а? А? Ты ж не пьешь,

чистенький, семьи нет, на что деньги тратишь? Есть же у тебя!

– Нету. Ограбили сегодня в подворотне.

– Ох, что за невезуха такая... почему именно сегодня!

– А что с вашей... Веткой? Заболела?

– Заболела, – то ли подтвердила, то ли опять передразнила женщина, – кровотечение у нее. Все из-за вашего брата, чтоб вам всем черти в аду яйца отъели!

Она зло полоснула Лео взглядом, как будто он был виноват во всех бедах, отлипла от косяка и, сторбившись, выволоклась прочь.

Лео остановился в дверях, слушая шаркающие шаги на лестнице.

– Пойдите! – крикнул он. – А скорая помощь? Надо обратиться в скорую помощь!

– Они только на несчастные случаи выезжают, – донеслось через пролет, – не знаешь, что ли? Совсем блаженный!

Лео не знал.

Он постоял еще немного и стал спускаться. Парой этажей ниже соседка опять застучала в чью-то дверь, выкрикивая мольбы плачущим голосом.

Можно попробовать остановить кровотечение, избытка на это должно хватить. Это же не магическое воздействие... то есть магическое, но Лео не обещал, что не станет использовать избыточный канденций, да и кто такое может обещать? Вряд ли тут, в этом доме, установлено много детекто-

ров, если все сделать серией мелких воздействий, то никакой детектор не почует... Диск так делает, и все у нее получается. А обещание... ну Лео не собирался же совсем-совсем не применять магию. Он обещал по мере сил не применять.

Дверь в помещение сразу под квартирой Лео была открыта, на лестницу падал тусклый свет. Внутри суетились две одинаковые старухи в замызганных халатах. В углу, невидимый среди тесно стоящей мебели, скулил ребенок, всюду были разбросаны мокрые кровавые тряпки, на полу у кровати стоял таз с красной водой.

Лео наконец разглядел за спинами старух скорчившуюся на постели фигурку. Серая разреженная аура, темный столб пустоты вертикально вверх... Нет. Избытка не хватит. И серии мелких воздействий недостаточно.

Тут требуется очень серьезное воздействие, тут требуется вливание и преобразование канденция, такое, что во всем Сиреновом Квартале детекторы взвоят. Тут такая потеря крови, что...

...или что там у простецов – срочное переливание крови от доноров? Девушку нужно немедленно хватать и везти в больницу. Тех нескольких купюр, что забрали в подворотне, наверняка хватило бы сунуть санитарам из скорой, если наврать им, что тут несчастный случай произошел. Но денег нет. Нет денег! Лео впервые оказался совсем без ресурса, и ощущение это было таким, будто под ногами прогнулся и заколебался пол, а инкантáция «крылья ястреба» не сработала.

Тянуло замахать руками и упасть на четвереньки.

Он отшагнул назад. В спину больно ткнули:

– Что приперся? Посмотреть пришел, да? Любопытно, как баба кровищей заливается? Цирк себе нашел! А ну, катись!..

– Извините, – пробормотал Лео, обходя маленькую женщину в халате. Она смотрела с ненавистью и отчаянием. – Извините...

– Пшел вон, ублюдок!

Лео выскочил на лестницу, взбежал наверх, захлопнул дверь и запер ее. Прислонился спиной. Не надо было выходить. Не надо было открывать вообще. Постучала бы и ушла.

Проклятая удача.

Проклятые детекторы.

Проклятые простецы!

На следующее утро Лео попался в когти директору Фоули. Тот по милости инквизитора оказался без собственного кабинета и, невзирая на выходной, бродил по школе, прихрамывая, тяжело опираясь на трость, придирался ко всем и напоминал рыкающего льва, которого выставил из логова кто-

то более грозный, к примеру, манतिकор¹².

Ясное дело, он мог бы временно занять какой-нибудь из пустующих кабинетов, но Лео показалось, директор боится, что тогда его собственный к нему уже не вернется. Фоули присутствовал сначала на уроке литературы, навел ужас внеплановой проверкой в мастерских, а увидев в коридоре скромного преподавателя истории, устремился к нему с кровожадным «вас-то мне и надо, господин Грис!».

Обиднее всего, что утро – наверное, чтобы уравновесить кошмарную ночь – выдалось просто прекрасным: серые тучи рассеялись, выглянуло солнце, и город преобразился. Залитые неярким ноябрьским светом черепичные крыши сделались карминовыми, а потрескавшаяся выцветшая штукатурка домов золотилась охрой. Трамвайные рельсы и стекла в окнах блестели, голубое небо в перьях мелких облачков приподнялось над крышами и обрело глубину. Казалось, даже слегка потеплело. И вот пожалуйста вам – хорошая погода в свою очередь уравновесилась ужасным настроением начальства.

– Очень хочу с вами пообщаться, господин Грис, – возвестил директор, потрясая пачкой тетрадок.

– Прямо здесь? – с покорной обреченностью спросил Лео.

– Идемте в кабинет истории.

В кабинете Фоули уселся за учительский стол и швырнул

---

¹² Манतिकор – мифическое существо с телом льва, головой человека и хвостом скорпиона.

тетрадки на зеленое сукно.

– Как вы полагаете, господин Грис, где вы работаете? – начал он не предвещающим ничего хорошего тоном.

– В школе второй ступени имени Иньиго Люпуса.

– Да-а? А судя по этим работам мне кажется, что вы полагаете себя где-нибудь на кафедре Королевского Университета. Или во дворе Оксфорда верхом на бочке. Нет? Может, я ошибаюсь?

– Да что я сделал такого, господин Фоули?! Объясните, прошу!

– Ну давайте посмотрим! – Директор наугад вытащил одну из тетрадок. – Так, что тут у нас... Дефо Габриил, первая младшая группа. Тема сочинения: «Малефики и вред, который они приносят обществу». И что же нам пишет этот достойный юноша?

Фоули откашлялся, приблизил тетрадку к глазам и издевательски прочел:

– «Не все малефики хотели людям вредить. Перед войной Константин Дагда Гиллеан, малефик и ученый-артефактор, подал прошение Каролевскому Университету, чтоб основать кафидру для настоящих людей и малефиков тоже. И туда принимали кого ни попадя, чтоб все учились».

Директор испепелил Лео взглядом и продолжил:

– «Дагда Гиллеан учил, чтоб малефики и люди совместно работали, и чтоб везде был мир. А еще он переписывался с учеными Ольбиона, потому как сам был оттудова, и всех там

знал. Знаком же его кафидры была литучая рыба, потому что она живет в двух средах, в воде и в воздухе».

– Но, позвольте, – начал Лео. – Это же правда! Перед войной Дагда читал публичные лекции в Королевском Университете и целый курс успел выпустить перед тем, как его убили.

– Какое отношение какой-то там выскочка имеет к теме сочинения, утвержденной министерством образования, а?

– Может быть, такое, что его смерть послужила поводом начать войну и вбить последний гвоздь в возможность сотрудничества ма... малефиков и людей? Что она оказалась странно выгодной обеим сторонам?

– И что, надо эту ценную идею донести до детей, которые тут же ее в сочинении изложат? Вы соображаете, что школа курируется Надзором? Что в школе, например, прямо сейчас ведется инквизиторское расследование? А вы им сказочку про доброго малефика?

– Это не ска...

– Мал-чать!

– Да, господин директор, – покорно сказал Лео.

– Вы меня поняли?

– Да, господин директор.

– Что именно вы поняли?

– Преподавать по учебнику. Помнить, что школа курируется Надзором.

– За-ме-ча-тель-но. Идите. Ну что вам, падре Кресенте? –

Фоули всем корпусом повернулся к тихо подошедшему капеллану.

– Извините, но вас, Лео, господин де Лерида ищет. Месса закончилась, и он ждет в кабинете директора.

– Где ж еще ему быть! – рявкнул Фоули, сгреб тетрадки и понесся вперед по коридору, стуча и хромая, как раненый кентавр.

Лео вздохнул и нога за ногу поплелся в лапы Инквизиции. Он явно попал в полосу неприятностей, которые никак не хотели заканчиваться, хоть и выставил фоном кисмет.

Господин де Лерида засел за баррикадами из книг и картонных папок с документами – и правда, как мантикор в логове. Он проглядывал тетради со скоростью, которая, по мнению Лео, человеку не должна быть доступна, и время от времени раздраженно посматривал на дверь.

– И где это вы ходите, хотел бы я знать, – напустился инквизитор безо всякого приветствия. – Рабочий день начинается в восемь утра, если вы забыли. Я сделал вам послабление и назначил на десять. Мне нужен секретарь, чтобы печатать протоколы.

– Прошу прощения, господин де Лерида, но я не секретарь, – ответил Лео, бестрепетно выдержав гневный взгляд черных глаз. – Я преподаю здесь историю и на уроки свои прихожу вовремя, без опозданий. А секретаря в школе вовсе нет. Но я не очень сильно загружен, могу дать вам свое расписание и помогать в свободное от уроков время. А почему

вы своего секретаря не привезли?

Инквизитор посмотрел на Лео так, что тот решил больше вопросов не задавать никогда.

– Ладно. Давайте ваше расписание. Разберемся. И пригласите Бьянку Луизу Венарди.

– Снова? Ой, то есть да, господин де Лерида. Как скажете. Девушка понадобилась, чтобы помочь с атрибуцией артефакта. Память у нее оказалась прекрасная, поэтому инквизитор потратил всего лишь полный воскресный день, рассматривая с ней по порядку последние тома роскошно иллюстрированного каталога, в котором выделил несколько фамилий мастеров, творивших в сходном стиле. За это время Лео успел искушаться, изрисовать полдесятка писчих листов, просверлить взглядом дырку в пустой стене казармы напротив, а также вместе с ликтором Люсьеном сходить в столовую и принести обед прямо в директорский кабинет.

Известно, что у действительно великих артефакторов всегда имеется свой почерк, отличающий их творения от дорогой серийной продукции артефакторных фирм. Это авторские вещи с уникальными свойствами и высокой художественной ценностью. Из-за различия в почерке и подходах к работе над конструкцией нельзя с уверенностью сказать, для чего предназначается тот или иной артефакт, если заранее не знаешь. У самого Лео на эту тему не было даже идей, но его никто и не спрашивал, а де Лерида ухитрился сузить период создания до трех десятилетий и теперь терпеливо перебирал

всех мастеров, работавших в это время в сходной манере.

– Вот это еще посмотрите, пожалуйста.

– Нет, зеленых камешков там точно не было. Только синенькие и белые. И завитков вот этих. Слишком кругленькие. А там треугольники вершиной вниз и вверх и такие как будто ласточкины хвосты.

– А вот это?

– Хм-м... нет, тут спирали какие-то. Спиралей не было. И вот еще мелконькие камешки по контуру, а тут взгляньте – гладко. А там что-то вроде насечек.

Лео скучал и смотрел в окно. Записывать пока нечего. Настроение было самое поганое. Инквизитор и девица Венарди корпели над томами каталога, а он и на шаг не приблизился к своей цели. Отдалился даже, пожалуй.

Вдобавок в коридоре послышались возгласы и топот. «Задымление! Пожар!» – выкрикнул женский голос. Возбужденно загалдели ученики. Лео кинул на де Лериду озабоченный взгляд, но инквизитор сохранял полное спокойствие, только перелистнул очередную страницу.

Пришлось выйти в учительскую, открыть дверь и выглянуть наружу – коридор заполняли клубы желтоватого густого дыма с противным запахом жженой камфары. Лео закашлялся, а Бьянка Луиза, неизвестно как оказавшаяся рядом, сморщила нос.

– Фу, ну и дрянь. Кто-то из мальчишек дымовуху подбросил. Закройте поскорее дверь, господин учитель, – загореть-

ся не загорится, а вонять будет ужас как.

– Девочка права, – подал голос из своего логова инквизитор, – никакой опасности я не чувствую.

«У вас на опасность особый локатор, что ли?» – хотел съязвить Лео, но удержался.

– Давайте хотя бы окно откроем.

– Форточку. Бьянка, возвращайтесь к работе. Посмотрите артефакты Итона Филлеуса. Похоже?

– Не-а. У него, смотрите, постоянно желтые камни круглые без граней, гелио... как их?

– Гелиодоры. Да, у Филлеуса часто кабошоны встречаются, и бериллы разные он любит, вы очень наблюдательны.

– Вырасту – обязательно пойду к вам работать, – сказала Бьянка, и Лео уловил в ее голосе легчайшие наглые нотки. – А вот, смотрите. Ласточкины хвосты, насечки, только круглое, а не треугольник. И вот еще. Кто это?

– Кандид Эхеверия. Эхеверия – каменная роза – это прозвище. За особое изящество его творений. Хм-м, он достаточно известен, чтобы его имя попало в «Ars Artefactorica». Ее автор запечатлел жизнеописание всех великих магов и артефакторов, с 1880 до 1925 года включительно. Великолепная книга. Хм-м... Кандид Эхеверия, убит в двадцать третьем году, предположительно малефиками из террористической организации «Синяя птица».

– А что с ним стало?

– Убит, здесь написано.

– Нет, с автором книжки этой. Ну как там ее. Арс чего-то там.

– Анри де Руйтер сам был могущественным малефиком и участвовал в Первой Магической. Его казнили в двадцать шестом году, если мне память не изменяет, сразу после победы.

Лео благоразумно промолчал.

Инквизитор закончил беседу, кивнул Бьянке и велел идти отдыхать. Хотя когда отдыхать, скоро вечер. Некоторое время инквизитор сидел молча, глядя прямо перед собой немигающими, как у рептилии, глазами. Лео поерзал, вздохнул. Наконец подал голос:

– Господин де Лерида, можно спросить?

– Спросите.

– Я просто подумал – ведь Рональда убили на учительском этаже. Его убили, когда мы с падре дежурили. Мы все обошли, но учительский этаж не осматривали. Входная дверь туда запирается на замок. У вас у самого два ключа, от коридора и от вашей комнаты. Получается, что убил кто-то из тех, кто имел доступ на этаж?

Инквизитор медленно перевел взгляд с противоположной стены на Лео, и тот в очередной раз пожалел о своей привычке влезать, куда не просят.

– Алиби учителей я, конечно же, рассматриваю. Ваше тоже. А с ключа легко снять дубликат, если задаться такой целью, господин Грис.

– Запасные ключи у коменданта хранятся, но он всегда сидит у себя, а шкафчик заперт. Если кто брал запасной ключ, то комендант знает.

– Что ж, давайте посмотрим.

Комендант, как и следовало ожидать, визиту святейшей Инквизиции не обрадовался. Де Лерида сухо расспросил его и велел показать, где хранятся ключи. Шкафчик действительно наличествовал, со стеклянной дверцей и рядами латунных крючочков, приделанных к обшитой зеленым сукном задней стенке. Замок самого шкафчика ожидаемо был сломан – комендант горестно сообщил, что недавно сломалось, а руки починить никак не дойдут, надо сказать Нойманну, чтоб сделал наконец... Только все это неважно, потому что он всегда на рабочем месте, а когда уходит, то обязательно запирает дверь.

– Кто-нибудь брал запасной ключ от четвертого этажа интерната?

– Не помню такого, – потряс лысой головой комендант.

Инквизитор внимательно осмотрел все ключи, даже будто принюхался, и снял с крючка один.

– Этот от чего?

– От интернатского подвала, господин инквизитор.

– Поглядите. – Он сунул ключ Лео под нос. – Что видите?

Лео внимательно присмотрелся. Ключ как ключ. Взял его из руки инквизитора и обнаружил, что тот скользкий и липкий. Потянул носом.

– Блестит, пахнет... каким-то техническим маслом? Замок, который он открывал, слишком щедро смазали?

– Нет. С ключа снимали слепок. Скорее всего, использовали оконную замазку, а чтобы не прилипла, покрыли его льняным маслом. Масло совсем свежее.

– О! Но это же от подвала ключ, а не от четвертого этажа.

– Именно. Знаете что, господин Грис, я, пожалуй, с вами подежурю ночью. Очень все это интересно, очень.

О, Ястреб! Лео совсем забыл – сегодня опять дежурство. Вернее, сегодня дежурство по утвержденному списку, на которое должны выйти трудовик с трудовичкой. Может, оставить инквизитора на трудовиков?

А если он обнаружит что-то интересное? Беласко говорит: держи врагов поближе!

Ладно, пойду обрадую Нойманна, что и сегодня он может спать спокойно.

Глава 5

За ужином снова давали тушеную капусту с картофелем и солониной, и то ли сегодня поварихе удалась стряпня, то ли Лео по привычке, но он съел полную тарелку, и кусок ноздреватого серого хлеба съел, и запил все это двумя стаканами чая, слегка отдававшего мокрым веником и металлическим сахаринным вкусом.

После ужина некоторые подростки почему-то не разошлись, подождали пока взрослые поедят, подошли к учительскому столу и придвинули стулья.

Оказалось, что сегодня учительница литературы Далия Вебер читала вслух письма, которые детям прислали из дома. Лео не мог понять, зачем это делают публично, но школьные правила строго предписывали проверять всю почту учителям, и те, должно быть, завели обычай читать вслух, сочтя

его менее мерзким. Несколько уже вскрытых конвертов с синими штемпелями стопочкой лежали перед Далией.

Лео злился на нее за утреннюю выволочку от Фоули, потому что именно Далия обратила директорское внимание на сочинения, и вдобавок ему было неприятно слушать слова, предназначавшиеся для личного чтения. Но, может быть, в письмах мелькнет какая-нибудь тень, ниточка, что поможет распутать историю ребенка-мага, поэтому он остался.

Всего писем было четыре: ужасно милое сразу от всего семейства для умненькой блондиночки Розалин Бернини, строгое и сдержанное от матери Кассия, взволнованное для еще одного мальчика из первой старшей группы, Карла Дюбли, тоже от обоих родителей – тот недавно ломал руку и только-только вернулся из изолятора. Далия сказала, что к письму прилагалась посылка с домашним печеньем и Карл может получить ее завтра у коменданта.

Письмо для Кассия, как и полагается, прочли вслух, но самого юноши в столовой не оказалось, может, его не интересовали вести из дома? Последнее письмо, длинное, на несколько страниц, на серой самой дешевой бумаге, было адресовано Бьянке Венарди. Остальные подростки уже убежали, выслушав Далию: письма им все равно в руки не отдавали. Порядки хуже, чем в тюрьме. Бьянка осталась и, мрачно сопя, слушала, что там читает учительница.

– «...Бабушка переболела инфлюэнцей, ей уже лучше, но Сара и Триша тоже заразились и пока лежат. Этой осенью,

котеночек, у нас ужасно холодно, как будто во всем доме сквозняк. Боимся, как бы зима не оказалась самой лютой из всех, что мы прожили тут. Папа законопатил щели, но дом так разохся, что не пришлось бы переезжать. А сама знаешь, какие теперь цены на аренду. Может, и хорошо, что ты два года поживешь за казенный счет, надеюсь, у вас топят и хорошо кормят...»

На этом месте Бьянка непочтительно фыркнула, навалилась локтями на стол, оперла подбородок на руки и продолжила слушать с миной величайшего терпения.

– «...и как дела у твоего приятеля Кассия? Ты ведь так ждала, когда вы снова встретитесь в школе второй ступени, а теперь ничего не пишешь. Говорила я тебе, что мальчик этот не твоего поля ягода, мать у него настоящая леди, а мы из простых. Лучше сразу себя поставить...»

Далия кашлянула, смутилась и покосилась на Бьянку.

– Что вы так смотрите, госпожа Далия, – поморщилась девушка. – Мамаша моя – полная дура. Сто раз ей объясняла, что тут письма перед толпой народу прочитывают, но нет, пишет все равно всякую дичь. Идиотка, прости господи.

– Бьянка, не стоит так о маме говорить.

– Ну да, конечно.

В зеленых прозрачных глазах не было ни тени раскаяния, только грусть. Лео тоже стало неловко.

– Давай ты сама все прочтешь, а потом мне отдашь письмо, и я его унесу, хорошо? – Далия кинула на Лео опасливый

взгляд: не наступит ли он директору? Сидит тут, и чего высиживает, спрашивается?

Не наступит. Я не такая ябеда, как некоторые.

– Прошу прощения, – сказал Лео, поднимаясь из-за стола. – Покину вас, пора на дежурство. Спокойной всем ночи.

Далия вежливо попрощалась, а Бьянка что-то буркнула, углубившись в чтение. Вид у нее был расстроенный.

Дежурить выпало во втором, жилом, корпусе, а падре Кресенте обходил первый – классы и учительскую. Наверное, вспомнил, что предыдущее дежурство Лео закончилось разбитым носом – перед тем, как разойтись по корпусам, выразительно посмотрел и попросил соблюдать спокойствие и осторожность.

Падре выглядел усталым, измученным даже, но Лео подозревал, что сам не лучше. Мысли то и дело возвращались к ночному происшествию и этой несчастной девушке, Ветке. Лео все казалось, что он что-то не учел, не увидел выхода. Проблему легко бы исправили деньги, но как раз в этот момент денег не оказалось. Разве Лео виноват, что все так сложилось? Это вообще дела простецов, не надо в них лезть:

жили они без нас и дальше проживут.

Хотя, если с этой стороны посмотреть, простецы и правда решительно настроены прожить дальше без магов, к тому же воспользоваться ресурсами волшебных долин.

А для магов простецы – лишь субстрат, в котором может прорасти жемчужное зерно. И ни для чего больше они не надобны. Да и то, ценность этого жемчуга Лео еще предстоит доказать.

И такие, как Ветка, всегда останутся на обочине, кто бы там не рулил сверху. Таким, как она, что маги, что профаны-артефакторы, что простецы-промышленники или денежные воротилы – все один черт, никто ее не спасет. Только если случайно.

Не надо было снимать кисмет.

Лео внезапно охватил плохо контролируемый гнев, даже жарко стало на пару минут. Хорошо бы, подумал он, отправить некоторых надменных и холеных фейских аристократов в этот осенний холодный город, полный страхов и несбывшихся надежд. Выдать обувь с картонными подметками, куцее промокающее пальтишко и позволить всласть поголодать, померзнуть и познакомиться с тем, как выглядит бесконечная неуверенность в завтрашнем дне.

Смерть Красного Льва, самоубийство по сути – в этом умненькая девочка Бернини, как ни крути, права, – осуществленная с шумом, с грохотом, повлекшая за собой уничтожение центра Венеты, была героической.

Смерть родителей Лео, сражавшихся с Красным Львом плечом к плечу против императорского золотого эскадрона в артефакторных меха-бронях, тоже была геройской.

Смерть, ежедневно подстерегающая горожан-простецов от болезни, от увечья, от голода, от банальной старости, казалась страшной, как гнилой череп с оскаленными зубами. Страшной и вместе с тем обыденной. И рядом с ней тускнели все эти смерти за проклятый браслет, которые случились и, может быть, еще случатся, если нынешний обладатель артефакта ненароком покажет кому-нибудь свое сокровище.

– Я буду очень аккуратен, – сказал Лео капеллану. – В прошлый раз произошло просто досадное недоразумение. Скажите, а Кассий – что он вообще за юноша? Выглядит настоящим лидером и заводилой. Сегодня краем уха в столовой слышал, что он раньше дружил с Бьянкой Луизой.

– В одной школе учились, он на класс старше. Но я так понимаю, у него здесь возникла симпатия к другой девочке: к Доменике Энтено. Бьянка, конечно, расстроилась, а потом была эта безобразная сцена в столовой...

– Я, наверное, еще не застал.

– В самом начале года. Бьянка подставила ему ножку, когда Кассий шел от раздаточного окна с подносом. Мальчик упал, поднос опрокинулся, все пролилось и размазалось. Она, мне кажется, сама испугалась и расстроилась, предлагала Кассию отдать свой суп, но он отказался и гордо ушел голодный. С тех пор никак мир их не берет. Бьянка Луиза

чудесная девочка, умная, добросердечная, но такая импульсивная!

Падре улыбнулся и покачал головой. Много же он знает о здешних учениках. Впрочем, о Бьянке Луизе он знает точно, она же истая католичка.

– Падре, вы через час зайдете во второй корпус, а мы с инквизитором спустимся в подвал: он хочет подстеречь того, кто снял слепок с ключа. Надо же, кому-то приспичило такие шутки шутить, когда расследование в разгаре. Как вы думаете, это может быть убийца?

Падре пожал плечами.

– Все может быть. Но дымовуху подбросили ребята.

– Или кто-то хочет, чтобы мы так думали.

Падре отвел глаза и вздохнул.

– Новенький в школе только вы, Лео. Остальных я знаю по несколько лет. Не могу представить, что кто-то из нас убил своего товарища. Люди, конечно, разные, и в коллективе не все гладко, но...

– Это точно не я, – смутился Лео, – могу поклясться.

Падре Кресенте поморщился и покачал головой:

– Никогда не клянитесь, Лео. Свидетелем верности слова и дела становится совесть, а не клятва. Однако ключ крали точно не вы. – Он улыбнулся. – У вас... как это называется? Алиби?

– Алиби. Ладно, посмотрим, кто придет сегодня. Его и спросим. Хотя не обязательно он именно сегодня придет и

не обязательно ночью...

– Не страшно вам будет с инквизитором в подвале?

– А чего мне бояться, – не очень натурально соврал Лео, – я точно никого не убивал. К тому же это вообще может быть какое-нибудь баловство или собрание клуба нашей дорогой Бьянки Луизы.

– О, вы знаете про клуб великих выдумщиков? – заулыбался падре.

– Бьянка не особо скрывала.

Падре Кресенте кинул на Лео непонятный взгляд, кивнул и зашагал прочь, в своей длинной черной сутане, невысокий и очень прямой. Лео посмотрел ему вслед и прошел по холлу первого этажа в извилистый коридор, огибающий помещение школьной церкви.

Де Лерида ждал его в тени лестничной клетки, сливаясь с темнотой. Единственная лампочка с жестяным абажуром сочилась жидким светом на подвальную дверь, оббитую железным листом в оспинах ржавчины. Лео показалось, что там и человека-то нет, только еще одна тень.

Он неуверенно моргнул, инквизитор шевельнулся и выступил в желтый круг света. На лице его отражался легчайший отблеск оживления. Шестым чувством Лео понял, что инквизитор действительно оживлен (насколько может себе позволить человекообразная ящерица с чувством юмора настолько неприятным, что, может, это не и чувство юмора вообще). Видно, он относился к перспективе просидеть в сыром

подвале до утра как к чему-то весьма занимательному.

– Это что за двери? – спросил де Лерида, включив фонарик и водя лучом по унылым, крашеным в землисто-зеленый цвет стенам. – Эта, я понял, на улицу. А вон та?

– Там школьная церковь. А лестница эта черная, этажи с ее стороны всегда заперты.

– Но с первого сюда легко войти, однако. Ладно, входим и запираем дверь изнутри. Берите фонарик, но как только займем свои места – сразу погасите и забудьте про него.

– Да, господин инквизитор.

– Зовите меня Мануэль. А то эти титулования утомительны и занимают время.

Неожиданно. Лео поднял брови. Вряд ли инквизитор записал его в друзья.

Лео повернул ключ в темной скважине, и дверь бесшумно отворилась. Замок и петли хорошо смазывали. По очереди переступив высокий порожек, они спустились на десяток ступеней и вошли в просторный темный подвал. Здесь витали запахи сырости и тихонько бурчала горячая вода, поступавшая из котельной.

Белый луч фонарика выхватил из мрака широкие трубы отопления, плавно изгибавшиеся у дальней стены вверх. Трубы были обмотаны паклей или войлоком, чтобы тепло не уходило. Пол оказался неожиданно сухим и чистым, а потолок – низким.

Уютно и тепло здесь, гораздо теплее, чем в спальнях – неудивительно, что подростки набиваются сюда всеми правдами и неправдами. Они ходят в подвал погреться.

Вот сейчас инквизитор изловит страшно опасных малолетних злоумышленников, сделавших слепок с ключа, и что дальше? Расстреляет их, что ли?

– Думаете, это преступник сделал ключ? Или все же дети? Они правда что-то опасное тут затевают? – спросил он вслух, оглядываясь.

Инквизитор неопределенно хмыкнул, глядя, как луч фонарика обшаривает кирпичные стены с проемами в темноту, гроздя провисших проводов и обернутые утеплителем трубы.

– Нет, не думаю. Но хочу знать, кто это и зачем. Вы, Лео, идите и устройтесь подальше, а я вот в том углу, за трубами. Не спугните их только.

Он скрылся во тьме, фонарик ему не требовался. А Лео отошел вглубь, где в кирпичных закоулках, между штабелей заросших пыльной паутиной ящиков, нашел древний стул со сломанной спинкой. Так как тот валялся ножками вверх, сиденье оказалось относительно чистым. Лео устроился на нем поудобнее и погасил фонарь. Ящики и стеллажи с хламом должны были неплохо его спрятать.

В темноте и тепле под тихое урчание воды он немедленно начал дремать – клюнул носом, вскинулся. Перед глазами плавали пятна, в ушах шумело от недосыпа.

Он снова встряхнулся и наконец услышал шорох и стук; дверь приоткрылась, и в проеме показались две фигуры: одна высокая и широкоплечая, вторая шаткая, тощая, на полголовы ниже. Огляделись. Высокий вытащил из кармана фонарик, обвел помещение слабым лучом. Лео сразу узнал Кассия, а тощего было не разглядеть в тени. Дружок Кассия, Эмери, что тут гадать. Бросили, значит, в коридоре дымовую ху и сняли слепок с ключа... дался им этот подвал, курят здесь тайком? Встречаются с девочками? Или правда греются? Венарди говорила, истории рассказывают.

Однако не похоже было, чтобы эти двое собирались рассказывать истории. Молча прикрыли дверь, запирают на стали, спустились и уселись на трубу недалеко от выхода.

Эмери – это и правда оказался он – сутулился, кутался в школьную куртку, а Кассий шмыгал носом – сквозит там, что ли? Лео рассмотрел на коленях у Эмери кошку – только что не было, и вдруг появилась. Забавно, и правда, кошка в школе есть, Хольцер не солгал. С другой стороны, болтал ведь он все равно не с кошкой.

Лео решил набраться терпения и был вознагражден: через недолгое время дверь стукнула, еще, потом еще – подвал стремительно заполнялся подростками обоего пола. Они еле слышно перекидывались парой фраз и рассаживались на трубах. Одновременно горели три или четыре фонарика.

«Отлично работают ночные дежурства, что сказать», – ухмыльнулся про себя Лео. Все шлятся как хотят и где хотят.

Инквизитора не было видно и слышно, словно канул в подвальных сумерках. Интересно, где Венарди повесила свое чучело? Лео задрал голову, но низкий потолок тонул во мраке.

Подростки плотно, как воробышки, набились на теплые трубы и разговаривали шепотом. Лео наострил уши.

– До, все собрались?

– Посчитайтесь. Кажется, Инги нет.

– Здесь я, – буркнули из самого темного угла. – Давно пришла. Раздавай, чего тянуть, не дай бог Гусыня начнет спальни обходить.

– Да она храпит, как камнедробилка, через коридор слышно было.

– А если проснется?

– Посчитайтесь.

Снова бубнеж и шевеление. Прозвучал узнаваемый баритончик Кассия:

– Тридцать шесть, порядок. До, раздай уже по-быстрому, и мы пойдем, по школе еще и инквизитор шастает, кому охота, чтоб накрыли.

– Почему знаешь, что шастает? – а это, кажется, Доменика.

– Он на учительский этаж не поднимался, Галка караулил.

– Черт. Ладно. Подходите по одному и крутитесь.

Лео чуть приподнялся, пытаясь разглядеть, что они там раздают такого ценного, что стоит всех этих сложностей с ключом, но тут сзади что-то зашуршало. Лео обернулся – в

глубине подвала, в проходе между ящиков ему померещилось движение. Светлый силуэт мелькнул и пропал. Кто-то там бродил в темноте, не приближаясь к подросткам.

Лео, стараясь не шуметь, поднялся со своего стула и двинулся в ту сторону, ступая потише. Кирпичный лабиринт, ящики, стеллажи, набитые картонными коробками, груды мешков то ли с цементом, то ли с песком. Пустые ведра из-под краски, канистры и снова коробки, стеллажи... Свет сюда уже не долетал, Лео двигался практически наощупь. Но впереди снова мелькнул силуэт – кто-то без фонаря уверенно забирался вглубь подвала.

Где-то здесь... или чуть дальше... По мере удаления от входа становилось сыро, и запах плесени усиливался: где-то подтекала вода.

– Я тебя вижу, – сказал детский голосок за спиной, совсем не там, где Лео засек движение.

Лео обернулся, и в висках тяжело запульсировало – верный знак присутствия рядом мощного артефакта или источника абсолюта. Но это оказалась просто девочка – маленькая, Лео по грудь, беленькая, с косичками... глаза завязаны косынкой. Она стояла, вытянув руки перед собой, пальцы растопырены. В подвале темно, но он почему-то различал ее очень хорошо, словно бы подпитал ночное зрение канденцием. Пульсация усилилась, к горлу подступила тошнота.

– Я-а-а-а. Тебя. Вижу.

Девочка в длинном, ниже колена, светлом платье, какие

носят дети городских простецов, повела ладошками в воздухе и покрутила головой.

– Ты. Где-то здесь. Сейчас найду. Сейчас.

Лео отступил на пару шагов: не очень-то хотелось, чтобы странное создание до него дотронулось. Это не ребенок из школы, местные гораздо старше – а этой лет восемь-десять, маленькая, худенькая. Слишком хорошо он ее видит для привидения.

Он снова отступил, гомон голосов подростков, деливших какую-то свою непонятную добычу, давно стих, а он этого даже не заметил. Настойчивое кап-кап воды отражалось от сводов звонким эхом. Голова раскалывалась от пульсации, уши заложило.

– Ты кто такая? – спросил он наугад. Если она и впрямь привидение, может ответить на прямой вопрос. – Что тебе нужно?

– Вижу тебя. Вижу. Почти нашла. Сейчас.

Лео снова отступил не глядя, спиной вперед, и споткнулся обо что-то, выступавшее прямо из пола. Взмахнул руками и повалился навзничь, влетев плечами и головой в очередной стеллаж. Сверху хлынула лавина хлама, затылок со всего маху пришелся обо что-то твердое и, похоже, разбился на куски. Стало окончательно темно.

– ...Лео, очнитесь. Вы меня слышите?

Он поморгал и открыл глаза. Над ним склонилось смуглое лицо с озабоченно сдвинутыми бровями. Луч фонарика был милосердно направлен мимо.

– Вы умудрились обрушить на себя половину подвала. Чудом череп не проломили. Удача у вас феноменальная. Можете встать? Зачем вас понесло в эти катакомбы?

– Вроде бы могу. – Лео сел, ощупывая голову. Вокруг валялись доски, фанерные щиты, обломки стремянки, груды разбитой кафельной плитки. Сколько же школьного имущества он уничтожил! – Мне показалось, что-то мелькает, пошел проверить и... Простите, я вас, кажется, подвел.

– Отнюдь, я увидел все, что хотел, а потом вы загрохотали, и дети пустились наутек. Пойдемте, я вас отведу наверх, может, у падре найдутся какие-нибудь примочки, раз уж вам удалось уцелеть.

Лео раздал всем ученикам по листочку.

– Вопросы на доске, – сказал он, – у вас пятнадцать минут, чтобы ответить на них и продемонстрировать, что вы слушали меня на уроках или хотя бы открывали учебник. Время пошло.

Лео сел за стол, осторожно утвердив подбородок на сплетенных пальцах. Голова гудела. Под шорох самописок он на минуточку прикрыл глаза.

Ночью добрейший падре Кресенте привел Лео в свою комнату и, не слушая возражений, заставил лечь в постель. Принес мокрое полотенце и дал выпить каких-то пахучих капель. Лео хотел поделиться с ним впечатлениями о привидении, но то ли капли, то ли усталость выключили его сразу, едва голова коснулась подушки.

Где ночевал сам падре, Лео так и не понял – он разбудил Лео на завтрак полностью одетый и чисто выбритый. Надо сказать, что сон в чужой кровати пошел Лео на пользу, хоть та была узкая и твердая. Под тонким тюфяком прятались простые доски. И особенно пошел на пользу лишний час сна – тот час, который требовала дорога от Сиреневого квартала до Лавровой улицы.

Лео не рассказал инквизитору о том, что увидел. Во-первых, это не привидение: слишком оно материально. Во-вторых, оно очевидно волшебное. От привидений так не фонит.

Лео попытался восстановить ощущения, которые испытал

при встрече. Он не хотел, чтобы девочка его коснулась, пятился. Испугался ли он? Нет, но... Лео передернуло. Жутьенькая все-таки тварь. Бр-р-р...

Надо узнать, когда она появилась в школе. Судя по рассказам, не очень-то давно. Она не местная точно. Явилась с кем-то из детей? Могла ли эта тварочка быть связана с искомым ребенком?

Даже если не связана, она может указать на него. Надо выяснить, что это за существо и на какой козе к ней подъехать. Она может помочь.

Связано ли существо с убийцей? Не является ли убийцей сама? Может, она охотится за артефактом? Хотела ли она убить Лео, как убила Дедулю и Мордача? Есть большая вероятность, что ответ на все вопросы – да.

Но сперва надо выяснить, что она такое, и поговорить с ней.

А еще надо поговорить с Дис. Они с братом побывали именно в этой школе, кажется. Недолго, меньше полугода. Попались в облаву сразу после падения долины Роз, и их вместе с другими беспризорниками распределили в школу с интернатом – в то время в Венете не так много было интернатов. Тогда еще не существовали Дефиниции, и подростки в закрытых школах не столько учились, сколько ожидали своей очереди к дистингеру. Дис говорила, что сбежали они просто чудом, фантастически повезло.

Может быть, Дис что-то слышала об этом существе? Впол-

не вероятно, что привидением ее назвали недавно, а раньше она была каким-нибудь брауни или домовенком.

В следующий раз, сказал себе Лео, он не будет пятиться. Сама по себе никакого вреда девочка не причинит. Дедуля шарахнулся от нее точно так же, расшибся о стену и повалил на себя полку. Вот только кисмет он не владел, и поэтому Дедуля сейчас в морге, а Лео жив и относительно здоров. А Мордач убит вообще с помощью артефакта... инквизитор сказал – армейского артефакта. Тот, который видела Бьянка Луиза, – не армейский артефакт... или Мордач убит все же им? Мог ли браслет быть оружием?

В любом случае его убил артефакт, а не тварь, похожая на ребенка с завязанными глазами.

Лео потрогал ноющий затылок. Тотчас убрал руку. Больно.

Может перенаправить избыток канденция на излечение? Почему нет? Ведь еще вчера Лео был готов помочь истекающей кровью девушке...

Он был неправ. Нельзя так делать. Нельзя передергивать формулировку обещания, бдить букву слова и не сохранять ее дух. Сперва меняешь удачу на ночное видение, потом поднимаешь температуру воздуха в комнате, излечиваешь простеца – и вот уже господин де Лерида хватает тебя за руку. А ты ничего, даже не обращался к магии, так, чуть-чуть, по верхам, все равно же через край течет...

Лео почувствовал на себе пристальный взгляд и встрепе-

нулся.

На задних партах перебрасывались бумажками, Хольцер нагло списывал с листочка сидящей рядом Доменики, Мезьер (забыл, как зовут) смотрела в окно, а худосочный Эмери Райффелл, в одиночестве сидевший в середине среднего ряда, мрачно рассматривал Лео, и глаза у него были чернющие. Еще один ибериец? По имени не скажешь, имя как имя. Кстати, конопатая Венарди, несмотря на имя, совсем не походила на уроженку Авзонии.

– Эмери, ваша работа готова? – спросил Лео.

Тот кивнул, поднялся и положил листок на учительский стол. Лео проглядел столбик дат – все правильные – и комментариев к ним – суховатые, но информативные. Все по учебнику, идеально. Эмери Райффелл хоть и не мог говорить, зато учился очень хорошо (что не скажешь о его рыжем приятеле). Письменные его работы, как выразилась однажды Эмилия Ковач, можно отсылать в Министерство Образования в качестве примерных – у Райффелла и почерк был великолепный.

Быстрое движение в ряду у окон привлекло внимание Лео. Мезьер держала за руку сидевшую у нее за спиной Пальдеварт и пыталась сломать ей запястье. Пальдеварт лежала грудью на парте, дергалась и вырывалась. Самое удивительное, что проделывали они это молча, хоть обе побагровели и отчаянно гримасничали.

– Что происходит? – Лео поднялся и двинулся к девуш-

кам.

Они молча боролись, не желая уступать. Предмет борьбы – Лео наконец разглядел – маленький бумажный прямоугольник, то ли записка, то ли открытка, выпал из пальцев Пальдеварт и спланировал ему под ноги.

– Инга, поднимите. И положите мне на стол. После уроков заберете.

Встрепанная Пальдеварт, тяжело переводя дыхание, подобрала карточку, отнесла на стол Лео и вернулась на свое место, ни на кого не глядя. Мезьер одернула фартук и взялась за самописку. По губам ее скользнула неприятная улыбочка.

Лео заметил, как переглядываются ребята. Отражение улыбочки Мезьер промелькнуло еще на нескольких лицах.

Но если они надеялись, что учитель прочтет чужую записку, то Лео их разочаровал. Он прошелся по классу, взглянул на часы над дверью и остановился у доски.

– Осталось три минуты. Поторопитесь.

Голова ныла. Лео усилием воли удержал в кармане руку – не надо при всех щупать затылок, показывать свою слабость. Ничего. Сегодня вечером он наконец увидит Дис, она пожалеет и полечит. Не забыть бы попросить ее порыться в библиотеке или порасспрашивать насчет маленького народца: пусть выяснит, кем может быть местное привидение. Ее командир, Артур Ллувеллин, должен хорошо разбираться в мелких фейри, он сам из королевства Гвиннед, а там рассадник этого добра.

И еще у Дис придется попросить денег, хотя бы немножко. А то даже на трамвай не хватает.

Пронзительно зазвенел звонок, и Лео встряхнулся.

– Подписывайте свои работы и складывайте мне на стол. Кто не успел, все равно подписывает и сдает. Хольцер, это и вас касается. На перемене сидеть не надо, надо успевать все изложить за пятнадцать минут.

– Да-да, – отозвался Хольцер, продолжая сидеть, в то время как его одноклассники быстро собирались, сдавали проверочную и выходили из класса, – сейчас-сейчас.

– Кассий, опоздаете на обед.

– Сейчас-сейчас.

Класс опустел, только тогда Кассий Хольцер понес сдавать свой листок.

Положил на стопку остальных и задержался, глядя на учительский стол. Лео взял в руки холодную мокрую тряпку – омерзительную! – и принялся стирать с доски вопросы к проверочной работе. Хольцер топтался у стола.

Лео бросил тряпку и подошел к нему.

– У вас какие-то вопросы, Кассий?

– Да. То есть нет. – Парень смотрел в сторону, опираясь напряженными пальцами о стол.

На рукаве его школьной куртки Лео заметил темное пятно, будто вода капнула. Вода? Какая вода на уроке? Это масло, понял он. Льняное. Которым смазывали ключ.

– Я... хотел извиниться. Ну, за то, что вам по носу попал.

Прошу прощения, господин Грис.

Лео почувствовал, как брови у него ползут вверх. Извиниться! Право слово, неожиданно.

– О, – сказал он, немедленно смягчившись. – Все в порядке, Кассий. Все уже прошло.

Парень наконец посмотрел ему в глаза и улыбнулся, показав крупные белые зубы.

– По правде говоря, не очень-то прошло. У вас синяки под глазами. Вы бы сходили к Мэри.

– К Мэри?

– К медсестре. У нее есть свинцовая примочка, хорошо помогает от синяков. И от шишек.

Он знает, что это я грохотал в подвале? Лео одернул себя, чтобы не пощупать затылок. Должно быть, подглядел, как инквизитор и падре Кресенте ведут его на четвертый этаж.

– Спасибо, – сказал он, – схожу.

– И еще я хотел поблагодарить. Что не сдали меня. А то сидел бы в карцере неделю.

– Я и правда собирался отвести вас в карцер.

– Да ладно, – губы у Кассия разъехались в улыбке. – Вы добрый, господин Грис, видно же. Не довели бы.

Еще бы как довел.

Лео только улыбнулся и покачал головой. Очень осторожно.

– Вот это. – Кассий постучал пальцем по карточке, что лежала у Лео на столе. – Вот для чего мы собирались в подвале.

Карты сдавали. И ключ мне нужен был для этого.

Теперь Лео рассмотрел карточку. Вернее, игральную карту с очень красивым рисунком. Это был пиковый валет – черноволосый воин с аристократическим профилем, в берете с пером, с обнаженной шпагой в одной руке и нарциссом в другой.

– Вы играете в карты в подвале?

– Нет, только сдаем. Да это и не игра, по правде говоря. В смысле, игра, но не на деньги. Что-то вроде гадания. Каждый получает по карте, а потом мы ими меняемся. Все вполне безобидно.

Лео повертел пикового валета, рассматривая. Карта была самодельная и старая, порядком замусоленная. Плотная бумага, как картон, желтоватая, в коричневых пятнышках. Тонкий изящный рисунок: кажется, гравюра, от руки раскрашенная цветной тушью или акварелью. На сложном узоре рубашки виднелись остатки позолоты. Какой-нибудь коллекционер выложил бы за колоду таких карт кругленькую сумму.

– Очень красивая, – выдохнул Лео и заметил, как вспыхнула улыбка Хольцера, – это ваши карты, Кассий?

– Нет, они от прошлого выпуска остались. Школьное достояние, так сказать.

– Только не надо в них на уроке играть, хорошо? Инга забыла про свою карту. Отнесете ей?

Кассий дернул плечом:

– Сама заберет. Господин Грис, можно вас еще спросить? Насчет артефакта. Ну, который Лу видела. Инквизитор ведь его ищет?

– Конечно, ищет. Ведь из-за него эти убийства случились. Кстати, вы что-нибудь знаете о местном привидении? Видели его?

– При чем тут привидение?

– Может быть, и ни при чем. А может быть, при чем.

– Приведение раньше, чем артефакт появилось, – заявил Хольцер уверенно.

– Думаете, они не связаны?

Парень помотал головой:

– Я его еще в прошлом году видел.

– Ого! Вы его видели! А что это за существо, как вы думаете?

– Привидение, – Хольцер пожал плечами, – что же еще? Лео вздохнул.

– Это не привидение.

– О? – Карие глаза Кассия заинтересованно заблестели. – Так вы тоже вошли в ряды свидетелей привидения, господин Грис?

– И со всей ответственностью заявляю: это не привидение.

– Интересная мысль, – удивился юноша, – а что же тогда? Некоторое время они молча глядели друг на друга.

– Предлагаю сделку. Соберите мне информацию о привидении, какую сможете – кто когда где видел, что оно делало,

где его можно встретить. Если еще покажется раз, обратите внимание, насколько оно материально. Попробуйте до него дотронуться. Или лучше киньте в него какой-нибудь мелкий предмет – пройдет он насквозь или нет?

– Вам или инквизитору? – нахмурился Кассий. – Информацию.

– Мне. Инквизитору я ничего не сказал. И, честно говоря, не собираюсь говорить. Если привидение не имеет отношения к убийствам, то зачем о нем знать Инквизиции?

– Хм, – Кассий взялся за подбородок, – а вам зачем привидение, если не для инквизитора?

– Так о том и речь, что это не привидение. Мне любопытно, кто это. Я вовсе не собираюсь его изводить, если оно не опасно. А вам самому не любопытно, Кассий?

– Я думал, это просто местный призрак. Оно никому не вредит.

– Ну и хорошо, что не вредит. Однако поинтересуйтесь им. Где его видели, где оно обитает? А я со своей стороны могу рассказывать, как продвигается расследование. Вас заинтересовал артефакт?

– Ну... да. И убийца меня тоже интересуется. Я б тоже хотел его найти... он двоих уже убил, и не факт, что остановится.

– Поэтому давайте договоримся. Вы смотрите в оба, я смотрю в оба, и время от времени меняемся информацией. Годится?

Хольцер моргнул, сглотнул и сказал хрипло:

– Отлично. Договорились. По рукам.

Они пожали друг другу руки – ладонь Кассия Хольцера была твердой и теплой, хватка уверенной.

Лео взглянул на часы над дверью:

– Поспешите в столовую, Кассий. А то останетесь голодным.

– Спасибо! До свидания!

Юноша убежал. Лео вздохнул и сел на парту.

Он или не он? Безусловная харизма. Лидерские замашки. Интересуется артефактом. Видел привидение.

Аура? Аура яркая, мощная, в ней много пламенно-красного, но есть и золотистый, и фиолетовый. Но все это косвенные признаки.

Может, да, а может, нет.

Ладно. Посмотрим.

Глава 6

– Почему вас перевели с такой важной должности на востоке сюда, да еще в сферу педагогики? В вашем досье написано, что вы раньше занимались контролем лесоразработок. Ощутили призвание учителя?

– Какая разница, чем руководить, господин инквизитор?

Вотан Фоули стоял перед собственным столом, опираясь на трость обеими руками. Отвечал коротко и резко, очевидно добавляя про себя к каждой фразе «гори в аду». Присутствие Лео он игнорировал.

Мануэль де Лерида, откинувшись в директорском кресле, крутил в пальцах карандаш и смотрел на Фоули подняв бровь.

– Извольте отвечать прямо и подробно.

– Повздорил с не тем человеком, конфликт затянулся,

предложили сменить место работы по-хорошему. В виду военных заслуг.

– В войну командовали дивизией?

– Да. Восемнадцатая мотопехотная.

– С военными артефактами дело имели?

– Как и все. Броню носил. Меха-кавалерия святого Креста при нас была: десять рыцарей под командованием его светлости Августина фон унд цу Альвенслебена. Его светлость сам по себе был один сплошной военный артефакт. Мы обеспечивали им поддержку и снабжение – ну, сами понимаете: если где-то сильный малефик объявлялся, так нас туда.

– Августин? Конечно, знаю его. Сейчас он визитатор в Мазовецком командорстве ордена. Превосходный воин и настоящий христианин.

Лео перевел каретку на новый абзац.

Да уж, настоящий христианин. Особо истовый. Особо преуспевший в уничтожении зла, потому что малефик ведь не может быть христианином, правда?

Среди фейских домов широко распространено христианство, которое Инквизиция считает ересью. Однако среди тех магов, кто до войны жили среди простецов, найдется немало католиков.

Фоули заметно выдохнул. Переступил, перенеся вес на другую ногу.

– Ну вот, господин инквизитор, вы тогда знаете, что такое эти их механические лошади – сначала люди боялись. Ко-

нечно! Такая бронированная громадина с огромными копытами, вся в золоте, абсолют отработанный с нее голубым огнем течет, как с вашей машины. Шутка ли – пилота и стрелка унести со всем их вооружением! Ну и топливо им подвозили грузовиками, очищенное. Насмотрелся. А после ранения, – Фоули кивнул на трость, – перевели руководить командой зачистки.

– Да, понимаю. Очень важное дело, – голос инквизитора заметно потеплел.

Ишь ты, как беседа-то помягчала. Может, Фоули выдохнет наконец и перестанет метаться по школе, придираясь к каждой мелочи?

– Тогда с артефактами малефиковыми особенно много возился, сами понимаете: после боя чуть не досмотришь, а все, что на убитых понадето, возьмет и рванет. Пока все это разберешь, артефакты по контейнерам разложишь. Гвардия малефикова вся в броне артефактной, это самая дрянь. – Фоули замолк на минуту, отдуваясь. Видно, воспоминания его беспокоили до сих пор.

Лео сообразил, что кусает губы, и поспешил расслабить лицо. Воспоминания беспокоили не только бывших генерал-майоров.

Некоторое время все слушали перестук печатной машинки и звоночки отъезжающей каретки.

– А после войны? – наконец спросил де Лерида.

– Нет. Не имел, близко не подходил и ничего сложнее мо-

розильника в комнате не держу.

– И не видели, не слышали ничего? Не обязательно недавно. Месяц назад, полгода назад? Школа и летом работает?

– У нас тут каникул нет, сами понимаете. Уроков поменьше, но занять полторы сотни бандитов чем-то нужно. Летом они просто на стенку лезут.

– И чем вы их занимаете?

– Трудом, чем же еще. Не занятый ничем ученик хуже незакрепленной гаубицы. Если этих коней не вымотать, они раз... несут школу по камешку. Вот вы спрашиваете, почему меня в сферу педагогики определили? Да потому что знаю, как дисциплину и порядок поддерживать в доверенных мне частях. На войне и то легче людьми руководить. Тут постоянно какое-то бурление... коллектив специфический, дети... нервные.

– И в чем заключается трудотерапия?

– У Отто Нойманна мастерская, занимаются починкой приборов, несложных артефактов, иногда даже машин. Парни выйдут с профессией уже. У девочек цех пошивочный, Клара Нойманн с ними занимается.

Интересно, обыскала ли инквизиция мастерские? У Отто и правда полно разнообразных артефактов, они хоть стандартные и слабенькие, но фон создают плотный, и за ним вполне можно спрятать артефакт посильнее.

Когда Лео видел Нойманна в последний раз? Во дворе, с артефактором Лемманом и с Мордачом – тот как раз сук

пилил...

– Вся продукция идет для собственных нужд? Или школа продает излишки?

– Немного продаем. Дети тридцать процентов с этого имеют, кстати. Все в бухгалтерских книгах, можете проверить.

Ах, вот откуда у них деньги!

– Проверим, конечно. Спасибо, господин Фоули, вы свободны.

– А можно вопрос? – неожиданно для самого себя подал голос Лео. Директор тяжело развернулся к нему, по-бычьи опустив голову. – Господин Фоули, почему вы велели Мордачу... Рональду Далтону спилить ветку во дворе?

Фоули немедленно налился дурной кровью, но де Лерида спокойно кивнул:

– Отвечайте, господин директор.

– Наш высокообразованный обладатель многочисленных дипломов не догадывается, что по этой ветке один из учеников смог выбраться за стены школы. И, представьте себе, я не желаю повторения подобных цирковых номеров.

– Я вот думаю, Маттео Маллан залез на крышу, а дальше? Если через прачечную прошел, его бы там наверняка заметили, но его не заметили. А если это было уже после окончания рабочего дня, то прачечная должна быть заперта, не выйдешь.

– Ну как-то прошел... не знаю. Я не вникал. По мне, достаточно уже того, что на крышу залез. Далтон проверял, то-

же лазал там... когда еще жив был. Сказал, что да, есть дорога.

– Далтон проверил, ага, – кивнул Лео. – Прачечная соседствует с котельной, а Рональд говорил, что у Дедули всегда все открыто, с улицы мог любой войти... и выйти тоже.

– Интересно, – сказал де Лерида, – господин Фоули, будьте добры, пришлите ко мне этого вашего беглеца.

Фоули согласно буркнул и, стуча тростью, вышел из кабинета.

– Я вошел в котельную с улицы и поднялся в квартиру Бакера, – сказал Лео, когда за директором закрылась дверь, – там и правда было не заперто. И там, кажется, была еще лестница на чердак. Видимо, это и есть дорога привидения.

– Сейчас узнаем, – кивнул де Лерида.

В дверь постучали.

– Можно?

– Заходи, Маттео.

Мальчик остановился у порога, нахохлившись и глядя исподлобья.

– Проходи, не бойся, – инквизитор приветливо кивнул, – у меня пара вопросов к тебе. Расскажи, пожалуйста, как тебе пришла мысль удрать из школы?

– Я не собирался удирать, господин инквизитор! Я думал, там мелкая нашей медсестры по карнизу ходит, перетрусил ужасно, думал, сейчас навернется – и вдребезги. Темно уже было. Я и окликнуть ее побоялся, побежал в лазарет, там в

туалете окно открыто, я и вылез. Смотрю, а она раз-раз и на развилку. И по ветке – через стену. Ловко так! Я – за ней.

– А почему ты решил, что это привидение?

– Так я не понял сперва. Подумал – мелкая. Медсестры нашей дочка. Ее из лазарета не выпускают, по школе ей нельзя ходить. А тут на карниз вылезла. Там если пройти немного, такая ветка свисает, вот за нее можно взяться и на развилку перескочить. А потом повыше влезть – и там уже ветка, по которой на крышу... только ее Мо... господин Далтон спилил.

– И ты полез за девчонкой? Из окна?

– Ну да. Но на крыше ее уже не было. Я поискал, позвал, вниз посмотрел – нету. Думаю – может, примерещилось? И как спуститься-то? Обратного фига заберешься... я хотел сказать, страшновато там обратно на ветку лезть... я бы вернулся! Вот я пока искал, пока думал, как слезать, вспомнил, что девчонка-то не подходит по возрасту. У Мэри дочка совсем малявка, лет пять ей. А эта постарше, побольше. Но для наших девчонок мала.

– И глаза завязаны? – подсказал Лео.

– Ну... если честно, не видел я. Темно все-таки было. Но таких у нас нет. Это привидение, точно! Напугался я тогда еще больше. Думаю – все, заманила...

– И как ты слез? – поинтересовался де Лерида.

– Нашел окошко слуховое открытое и залез. Это котельная была. Я спустился и на улицу вышел. Ну и...

– Понятно. Через котельную, значит. А господина Бакера ты видел?

– Господина Бакера?

– Дедулю, – подсказал Лео.

Маттео побледнел, глаза у него расширились.

– Господин инквизитор, я не... вы же не думаете, что это я... я его не трогал, я мимо прошел, он даже не проснулся!

Господин инквизитор...

– Конечно, нет, Маттео, успокойся. Когда ты вернулся в школу, господин Бакер был еще жив.

– Да, точно, я ж его видел! У крыльца. Он еще с Мордачом...

– Спасибо, Маттео, ты свободен.

Мальчик еще похлопал глазами, поклонился де Лериде и вышел.

– Это было убийство, – сказал Лео, – а не несчастный случай.

– Само собой. Далтон украл у Бакера артефакт и убил его. Непонятно, правда, зачем, если артефакт уже был у него.

– А потом убили Далтона. Артефактом – этим или другим – и забрали у него браслет. Кто-то знал, что артефакт у Далтона. Бьянка Луиза? Может, она кому-то рассказала?

– Или сам Далтон рассказал. Или Бакер сболтнул, и не только Далтону, но кому-то еще. Или кто-то случайно увидел. Так можно до весны перебирать.

– Откуда Бакер этот артефакт взял, интересно.

– Откуда угодно. Выиграл в карты. Нашел в старом хламе.

– Шутите?

– Лео, вы не представляете, какие вещи порой находят на помойках, в фильтрах очистных сооружений, на блошиных рынках. Однако, – де Лерида хлопнул ладонью по столу, – артефакта в школе уже нет. Эманации изделия такого уровня даже в дезактивированном состоянии пробьют общий фон примерно так же, как вой сирены пробьет жужжание мух, будь их хоть целый рой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.